

A woman with long brown hair, wearing a light-colored historical dress with a dark sash and lace cuffs, holds a lit red candle. She stands in front of a rustic log cabin in a wooded area with autumn foliage. The scene is dimly lit, with the candle providing a warm glow.

Юлия
Чернявская

ПРОБЛЕМЫ В ГОРОДЦЕ
СПАСАТИ МОСКОВИЮ

16+

Юлия Чернявская

**Проблемы в Городце.
Спасти Московию**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Чернявская Ю. В.

Проблемы в Городце. Спасти Московию / Ю. В. Чернявская —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Ох и дела в Городце творятся. У Кощея объявилась полюбовница, да не одна, а с дитем малым. Неведомые пророки скорый конец света сулят. Да еще войско к стране приближается огромное. А кому со всем этим разбираться? Придется Василисе Князевой дочери Ивановой отставить в сторону лекарские принадлежности, да начать малевать картинки, кои ей волшебное зрение показывает. Разумеется, друзья не останутся в стороне. Еще бы с Кощеем помириться, а то друзья страдают.

© Чернявская Ю. В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пролог

Тишина, лепота, я бы сказала. Птички поют, бабочки по цветам порхают, тело за окном периодически мельтешит. Надоел до невозможности. Ну, сказано же ему было русским языком, не желаю его видеть. Вот как есть не хочу! Пусть со своей личной жизнью без меня разбирается. Как разберется, так и приходит, но не раньше.

Ой, совсем забыла. Позвольте представиться. Я – Василиса Ивановна Князева. Девушка молодая, двадцати трех лет от роду, незамужняя. По местным меркам старая дева, но кто будет соседней слушать? Особенно бабку Матрену. Уж ту послушать, так потом уши завянут. По образованию я врач недоучка, до специализации дойти не успела. А по нынешнему положению – ученица бабы Яги. Живу я в Московии, в столице ее, славном городе Городце. Понемногу людей пользую, то есть лечу, исходя из полученных знаний да умений. Вроде, пока никто не умер.

В Московию же я попала самым глупым образом. Шла себе по улице, никого не трогала, солнечное затмение наблюдала. Ага, через облака, без очков защитных. В общем, шла, шла, на небо смотрела, да люк под ногами не заметила. Провалилась благополучно да в этом мире в стог сена приземлилась. Потом с Кощеем познакомилась, в Городец попала, стала обживаться. И все так хорошо было, пока эта мымра не появилась. И Костя хорош, вид делает, словно ничего не знает.

Ну, я и не стала терпеть, собрала свой скарб небогатый, кота Василия, тезку моего, приласкала на прощание, осликов забрала да и перебралась в домик заброшенный. Надо теперь царю Елисею Елизаровичу за него денежку выплачивать да обживаться на новом месте. Кто бы мог подумать, но ипотека и в эти времена была. Только звалась иначе, мудрено как-то. У меня в бумаге аж на три строки формулировка. Что-то вроде аренда жилого помещения с целью дальнейшего выкупа для проживания и занятий частной практикой.

В общем, как-то так и живем. С соседями то ругаемся, то миримся, с Ягой чай гоняем да от Кощея пуше, чем заяц от охотника, бегаем. Еще бы без приключений обходиться, но кто ж нас спрашивает, они сами находят.

Глава 1

– Василиса, – раздалось от порога на три голоса, – выйди, будь любезна. Поговорить надобно.

Девушка чуть не выронила из рук глиняную пробирку, в которой готовила микстуру для соседа, гончара Афанасия. Опять Горыныч пришел за Кощея заступаться. Ну, сколько можно, в самом деле. Сказано же всем было русским по белому, пока Костя не разберется со своей личной жизнью, она в нее вмешиваться не будет. Вообще никак. Даже к терему не приблизится. И не надо к ней каждый день засылать переговорщиков.

Перелив получившийся сироп в горшочек, будущая знахарка основательно перемешала получившееся снадобье, потом затянула горлышко тканью и перевязала.

– Васька, – снова рывкнули во дворе три головы. Посуда в шкафчике жалобно забрякала, а с потолка на пол медленно слетел прошлогодний лист.

Девушка проследила за его полетом, отмечая, что надо будет слазить на чердак и вымести оттуда весь мусор, а потом позвать конопатчиков, чтобы щели заделали. Это сейчас хорошо, пока лето, тепло. А настанет осень, и будут отовсюду сквозняки просачиваться. Со двора послышалось топтание, потом тихая перебранка.

– Васька, выходи, знаем, что ты дома, – донеслось уже тише. – Моисей и Рабинович в загородке. А ты, когда уходишь, их в сарай закрываешь или с собой берешь.

Делать нечего, придется идти во двор. С Горыныча станется всю улицу переполошить, если не весь город, только чтобы своего добиться.

– Ну что случилось, – Василиса вышла на крыльцо, на ходу переплетая косу. Как хорошо было дома, там как хочешь, так волосы и убирай, а тут приходится считаться с нормами. Раз девка незамужняя, значит косу плети.

– Да мы вот, мимо пролетали, – начала левая голова.

– А тут навстречу что-то, – продолжила правая.

– Мы свернуть в сторону не успели, а он в нас влетел, – и Горыныч продемонстрировал девушке платок, в котором был завернут оглушенный попугай внушительных размеров. – Посмотри, живой он или как. Ну и нас заодно.

Девушка приняла пернатого пациента. Первичный осмотр показал, что птица скорее жива, чем мертва, и должна сама прийти в себя. Василиса вспомнила, что видела в доме старую клетку. На первое время хватит, а там она закажет себе новую. Птичка не большая, меньше чем до локтя. Кузнец много за клетку не попросит. Сгрузив пострадавшего в новый домик, Вася вернулась на двор.

Сам Горыныч почти не пострадал, если не считать небольшой царапины там, где в него врезалась птица. Девушка только протерла ее дезинфицирующим средством для профилактики.

– Вот и все, до свадьбы заживет, – сообщила она.

– Смотря до чьей, – хмыкнула правая голова.

– Если до свадьбы сына боярина Хвостова на дочери купца Толоконникова, то не успеет, – заметила левая, – они сегодня венчаются.

– А если до вашей с Костей, – прищурилась средняя, – то тут можно и хвост отрезать – новый вырастет.

– У тебя что, хвост заново отрастает? Как у ящерицы? – тут же с исследовательским интересом принялась обходить Змея девушка. – Действительно?

– Э, нет, – Горыныч попятился, стремясь защитить стратегически важную часть тела. – Не дам. Как мне в воздухе рулить?

– Вот так всегда, – вздохнула Вася. – Никто не хочет ради науки постараться.

– Не, не, не, – Змей благополучно миновал ворота, ничего не задев, – мы возражаем. Мы ничем ради науки жертвовать не хотим. И вообще, у нас брачный сезон скоро, нам без хвоста нельзя.

Выбравшись на широкое пространство, Горыныч пробежал несколько шагов, активно работая крыльями, после чего взлетел, заложил вираж над крышей Васиной избышки и полетел куда-то к центру. Девушка задумчиво проследила за полетом, после чего вернулась в домик, заниматься неожиданным пациентом.

После очередного, уже более внимательного осмотра, девушка пришла к выводу, что с птицей все в порядке. Остальное можно будет сказать только когда она придет в себя. Поскольку раньше с пернатыми она дел не имела, то лишь смутно знала, что им надо воду, а в качестве корма зерно. С последним проблем не возникло, а вот как пристроить в клетке миску с водой, чтобы туда грязь не попадала, Василиса не придумала. Придется к гончару на поклон идти с изображением поилки. Когда клетку оставили в покое, птица открыла глаза, потом, немного побарахтавшись, поднялась. Большой глаз уставился на знахарку, а из клюва вырвались щелчки.

– Привет, – Вася устроилась перед клеткой, но так, чтобы не пугать нового жильца. – И откуда ты у нас взялся?

Разумеется, ответа не последовало, но девушке он и не требовался. И так понятно, птица не перелетная. Явно кто-то привез, да не уследил. Надо бы Горыныча расспросить подробнее, где он с ним столкнулся. Птица, между тем, то топорила хохолок, то что-то активно щебетала.

– Ну и как тебя звать-величать? – снова спросила Василиса. – Понятно, не скажешь. Значит, Иннокентием будешь. Ну, или просто Кешей, как попугай из мультика.

Понятное дело, возражать никто не стал. С одной стороны, странным было бы, если бы птица внезапно заговорила, да еще связно и аргументировано. С другой, попугай явно относился к говорящим, значит, свое имя мог бы затвердить. Разве что хозяйева с ним не занимались, решив не тратить на это время.

– Вот что, Кеша, – задумчиво произнесла девушка, – ты тут обживайся, а я пойду, лекарства разнесу, да на рынок. А то тебя кормить надо чем-то. Заодно поспрашиваю, может, кто слышал, у кого ты улететь мог.

Птица моргнула, повернула голову и уставилась на девушку другим глазом. Потом переступила с одной лапы на другую, заметила чашечку с водой, и принялась жадно пить. Утолив жажду, вновь посмотрела на девушку и снова произвела серию щелчков.

Василиса только покачала головой, сложила в корзинку лекарства, спрятала кошелек и посмотрелась в зеркало. Вроде все в порядке. Коса уже прилично отросла. Еще не до пояса, но скоро будет. Яга хорошие травы подарила, волосы густые стали, крепкие, не каждая лента удержать могла. Немного подумав, девушка повязала косынку. Потом вышла из дома.

Откуда-то доносились песнопения – Змей опять потешал народ. Вася только покачала головой. Что делать, если не может трехголовый без пения. Зимой простыть умудрился во время великого поста. Две головы сипели, третья кашляла, не переставая, и то что-то намурлыкивать пытался. И боялся, что голос не вернется. Ничего, они с Ягой его отпоили молоком, сначала с бараньим жиром, а потом с медом. Ну и полоскания всякие, отвары. Поселили Горыныча в амбаре на царском подворье, сам Елизар Елисеевич распорядился, чтобы там тепло поддерживали. Оклемався. На Пасху опять на службе псалмы распевал на зависть певчим и хору. А потом в воздухе такие фигуры высшего пилотажа закладывал, что Василиса даже пожалела сто раз, что рассказала о них. Но нет, народ потешился, да и сам Змей доволен был.

Прислушиваться девушка к пению не стала. Все равно ей в другую сторону нужно было. Вот только далеко уйти не успела.

– Василисушка, – услышала она голос бабки Матрены, главной сплетнице всея Городца и ближайших деревень на острове Столичном. – Давеча у тебя опять кто-то под окнами шарился.

Уж ты бы сказала ему, неча ходить, девичью честь смущать. Пусть ты одна живешь, сиротинушка, но мужчине лучше отпор дать. А коли стесняешься, уж я сама пойду, да скажу ему все.

– Спасибо вам, бабушка, – Вася поклонилась, стараясь на краткий миг скрыть ошарашенное выражение лица, благо успела себя в руки взять быстро. – Я сама скажу. А коли не поймет слов, государю-батюшке в ноги упаду, пусть заступится за сиротку.

– Ну, смотри, – та недовольно поджала губы. – Но ежели чего...

– Непременно бабушка, – пообещала Василиса. – А вы сами как, сердце не колет, в животе не давит? Может, лекарство вам какое надобно?

– Ой, милая, – тут же запричитала бабка Матрена, привлекая внимание всех, кто находился поблизости. – Ох, и колет сердце. Ох, как колет. А то, как зайдет оно, так и думаю, как бы из груди не вырвалось. А уж нутро-то и крутит, и вертит. И так лягу, и этак, а все словно завелся кто.

«Глисты», – мелькнуло у девушки в голове. А потом пришла идея подкинуть бабке помимо слабительного еще от паразитов средство. И ей на пользу, и городу отдых хоть на денек, пока лезущая во все дыры бабка будет бегать от дома к уборной.

Увы, дольше потешить народ зрелищем жалующейся на жизнь и здоровье Матрены не удалось. Где-то раздался крик, и старушка, забыв о жалобах и зрителях, бодрой рысью припустила на шум, словно не она сетовала на сердце и нутро.

– Вот поскакала, – заметил один из мужчин, вышедших со двора.

– Добегается, – вздохнула одна из женщин.

– Да, добегается, – согласилась ее товарка. – Надоест это батюшке Елизару Елисеевичу, и пошлет он ее в монастырь самый дальний.

– Да она и оттуда всю Московию взбаламутит, – заметил кто-то.

Дальше Василиса слушать не стала. Ее ждали клиенты, которым надо было отнести лекарство. А сплетен она и на рынке наслушается. Там иногда такие сказки рассказывают, что сомневаться в здоровье психическом дорогих сограждан начинаешь. И ладно бы жрец Перунов вещал, как накануне с богом браги выпили в память о сражении Александра Невского али Дмитрия Донского. То еще ничего. Но когда батюшка начнет о вреде и пользе домовых при церкви рассуждать, тут уже не знаешь, смеяться или плакать.

Нет, в Московии со здравым смыслом у людей все было в порядке. Вот только сложно было привыкнуть, что сказки одного мира в другом обернулись реальностью. Боги не только мирно сосуществовали с христианской религией, но и отвечали на молитвы. А на подворьях обитали не только домашние животные, а еще домовые, банники, овинники и прочие дворовые. В лесах правили лешие, воды подчинялись водяным. Русалки и кикиморы заманивали мужчин. Нежить тоже встречалась, но ее Василиса пока не видела.

Да что там сказки, сама история сложилась несколько иначе. В Московии правил правнук Ивана Сурового, которого в мире Васи прозвали Грозным. В Америке основал свое государство народ еврейский. Не было многих войн, не развился протестантизм, ислам миром подчинил себе Иерусалим, где благополучно сосуществовали три религии, без каких либо территориальных споров. Наверное, потому что древние боги присматривали в этом мире за своими неразумными чадами, не давая совершить непоправимых ошибок.

Взаимоотношения между государствами тоже несколько отличались. Хотя, не так сильно. Все те же дележи спорных земель, династические браки, союзы против и за. Но не было крепостного права в землях Европейских, как не зародилось оно и в Московии. Боги быстро вразумляли людей.

В размышлениях о столь ощутимых различиях между двумя мирами Василиса дошла до первого своего заказчика.

Собственно, заказчиков девушке посылала Яга. Город большой, болезней у всех хватает. И не только болезней. Тому погадай, этому заговор, там отворот, сям еще с какими просьбами

поспеют. На все ни времени, ни рук не хватит. Хоть кота обучай. С появлением Василисы стало легче. Она учила свою будущую сменщицу готовить простые микстуры, отвары, мази и притирания, заговорам и гаданию. Убедившись, что ученица уже способна сама приготовить лекарство, после которого не придется большого лечить от чего более серьезного, или боги не приведи, хоронить, старушка успокоилась. Конечно, после ссоры молодой Яги с воспитанником Арины Романовны занятия стали реже, но помощь осталась.

Девушка помотала головой. И думать не хочет о вуне и изменщике. Разнеся заказы, выслушав свою долю благодарностей и получив оплату, она, размахивая пустой корзинкой, отправилась на рынок. Надо попугаю зерна купить, себе присмотреть чего на ужин, да и просто по рядам пройти, послушать, о чем в народе говорят, ну и себя показать, не без того.

Три месяца назад.

Василиса отложила в сторону веник и довольно потянулась. Вот и чистота в доме. Домовой Мефодий заканчивал рубить мясо на котлеты, Васька, налопавшись сметаны, растянулся на подоконнике и что-то тихо мурлыкал. Оставалось только тесто на блины поставить, и можно передохнуть. А там Яга вернется от боярыни Бобровой, новые указания даст.

Боярин Бобров совсем их последние дни замучил. То самому неможется, то жене его, то еще что-то произойдет. Костю Елизар Елисеевич отправил с малой дружиной в разъезды по деревням, волков и лис истреблять, кои повадились скот да птицу таскать. Того и гляди, на людей нападать начнут.

Погода под конец зимы и вовсе распалилась. Утром оттепель – к вечеру мороз, утром лед в колодце пробиваешь – вечером капель звенит. Взрослые простужались, что уж о детях говорить. Только и успевали лекарства готовить. Хорошо, у всех жителей запасы малины да меда круглый год стояли.

Стук в ворота прервал блаженные минутки отдыха. Василиса выглянула и поморщилась. Опять Никитка пришел. Ведь сколько раз ему говорила, не приходите, когда Кости в городе нет. Девушка уже решила, что не пойдет никуда, но заметила, что дружинник не один пожаловал, а с кем-то. Может, привел кого за помощью? Придется идти, а то потом Яга заругает. Друг ли, враг, а помощь оказать надо.

Вздыхнув, будущая колдунья закуталась в пуховую шаль, сунула ноги в валенки и поспешила на двор.

– Кого боги послали? – привычно поинтересовалась она.

– Василиса, открой, разговор серьезный будет, – заговорил Никитка.

Девушка только вздохнула. Серьезные разговоры с дружинником утомили ее. Видя, что у них с Кощеем все складывается, он из кожи вон лез, лишь бы хоть немного очернить Костю в ее глазах, при этом показывая себе удалым молодцем. Поскольку таких типов Василиса не любила еще в прежней своей жизни, как она окрестила период до попадания в этот мир, то менять привычки не собиралась. Может, мир и лучше того, где она выросла, но люди-то везде всякие попадаются. Жаль, как отвадить от себя Никиту законными методами, не знала. Уже и отворотное ему царевич подливал, да все бестолку. Значит, не любовь человеком двигала, а корысть.

Девушка отперла калитку и пустила на двор дружинника и его спутницу. Женщина прижимала к груди большой сверток. Не иначе ребенка принесли больного. Но почему тогда не сама пришла, а с сопровождением.

– Поговорить нам надобно, – повторил Никитка.

– Поговорить, так поговорить, пойдемте, – Василиса свернула на тропинку, которая вела в сараюшку, переоборудованную для приема пациентов.

Дружинник немного удивился, что их не ведут в дом, но виду не подал. Только глаза сощурились на миг, да улыбка в гримасу обратилась. А потом все снова как прежде стало. Даже

слова против не сказал. Да и что говорить. Мало ли какие распоряжения Яга дала. Может, в ее отсутствие посторонним в горницу и вовсе хода нет.

В сараюшке женщина опустилась на скамью при входе и открыла сверток. Сразу стало видно, что в нем действительно ребенок. По виду Вася не могла сказать, сколько ему лет. Не очень маленький, но года точно нет. Малыш открыл рот, показав миру зуб, зевнул, чуть повозился и затих снова.

Никита прошелся по небольшому помещению, после чего остановился напротив Василисы. Несколько минут внимательно смотрел на нее, потом заговорил.

– Помнишь, Василисушка, говорил я тебе, что обманывает тебя Кошей? Говорит, что кроме тебя у него нет никого, а на самом деле не так все.

– И что? Помнишь ответ мой? – прищурилась девушка.

– Помню, – усмехнулся дружинник, как не вспомнить. – Вот, знакомься, это Марфа. И сын ее Иван. Иван Константинович. Или Кошеевич. Это уж как в народе приживется.

Василиса с трудом удержалась на ногах. Нет, не может быть такого. Врет Никитка. А даже если не врет, где доказательства, что Костя ей изменял? Ведь, если что и было у него с этой женщиной, то не раньше, чем позапрошлой осенью. Просто потому, что с августа он под ее наблюдением был. А когда в Полотеск их посылали, то с того времени пройти едва полгода успело. Даже если бы малыш родиться успел, то не выжил бы. Просто потому, что шестимесячные дети в этом мире не выживают даже с помощью сильных колдунов. А ведь малышу явно больше полугода, да плюс еще девять месяцев, что у матери под сердцем был. Да, даже если и семь, все равно случилось все до того, как она сама в этот мир попала. Значит, надо послушать, что скажет Марфа.

– И что? – намеренно вызывающе посмотрела на Никитку девушка. – Когда оно было? С тех пор много воды утекло.

– Да, – тихо заговорила женщина, стараясь не разбудить ребенка, – то давно было. Костя у нас останавливался несколько раз, когда по заданиям царским ездил. Ну и было, – несколько вызывающих ноток скрыть не получилось, – что грех таить. И потом несколько раз заглядывал. Последний раз о прошлой неделе, когда охотиться отправились. Все по разным избушкам на постоянной расходятся, а он всегда ко мне.

Василиса нахмурилась, но предпочла сдержать те слова, что рвались с языка. Не потому, что ругаться грешно. Во-первых, она уже приобщила силы ягинской, так что могла навредить неосторожным словом. Ну а во-вторых, еще неизвестно, что произойдет, назови она всех, помимо общепринятого нецензурного, битыми пикселями и пожелает ездить только с бракованным навигатором там, где никакая связь не ловит, зато сплошь посты ДПС стоят. Нет, лучше промолчать. Если так хотеться будет, потом эксперимент поставит, когда далеко от города окажется.

Никитка же довольно ухмылялся. Сделал гадость ближнему, и рад теперь.

– Что б тебе одни старухи ближайšie десять лет давали, а после сам не мог, – тихо, едва шевеля губами, прошептала Василиса, не сдержавшись. Может, мелко до такой мести опускаться, но очень уж хотелось посмотреть, как наглый дружинник будет за бабами бегать. Или доискиваться, отчего от него все женщины шарахаться стали, а бабки вроде Матрены напротив, на шею вешались.

– Знаешь, Никита, – спокойно произнесла девушка, – веры у меня к тебе большой нет. Да и вас, Марфа, я вижу впервые. Так что дождемся прихода Яги, она и разрешит эту ситуацию. Вы здесь остаться можете, домового я попрошу вам передать чего закусить. Но не обессудьте, мы сейчас одни живем, многого нам не надо. Как наставница моя вернется, так и продолжим разговор наш интересный.

Женщина вздрогнула, но осталась сидеть на своем месте, мужчина же довольно улыбался, словно был заранее уверен в исходе колдовства ведьмы. Но такого не могло быть. Даже Пела-

геюшка, банница их, которая и одежду стирала, по секрету Василисе сказывала, что Костя из походов приходит в одежде несвежей, но женских следов на ней нет. Ни следов, ни тени запаха. А существа волшебные легко это распознают. Даже если бы на ночь все с себя снял и другой лег, то потом все равно дух ее остался бы. Вот и получается, неизвестно, кому верить. То ли баннице, которая учит да секретами какими делится, то ли человеку чужому да заинтересованному.

Оставив гостей непрошенных в сараюшке, пусть светлой и теплой, но не настолько, чтобы чувствовать себя там полностью комфортно, девушка поспешила в терем. Поднялась, валенки сил еще снять хватило, пол, собственноручно намытый, не топтать, а вот шаль так и осталась. Переступила порог, шаг до лавки сделала да кулем на нее повалилась. Васька аж мурлыкать перестал. С подоконника соскочил, рядом присел да начал лапкой по руке поглаживать, успокаивать. Мефодий работу в печи бросил, быстро воды налить да средства успокоительного накапать кинулся. Пусть разговора не слышали, но поняли, что неприятным он был.

– Успокойся, Василисушка, – устроился мохнатый человечек по другую сторону от девушки. – Скоро Яга должна вернуться, она все и разрешит.

– Если только Бобров ее опять не задержит. Не любит нас боярин, так и старается хоть где-то да напакостить.

– Значит, будет квакать в бане, – попытался пошутить домовый. Шутка не удалась. – Выпей водички. Полегчает.

Василиса послушно осушила стакан, поморщилась. Вот придет Яга, и все будет хорошо. Да даже если Бобров ее задержит, не страшно. Никуда гости не денутся. Ждать будут. Их корысть в том, не Васина. Хотя, и ее тоже. Она же к Кощею сердцем прикипеть успела. А ну как действительно правду говорят? Нет, даже думать о таком не хочется. Пока наставница ее, баба Яга Арина Романовна, и все будет снова хорошо. А проклятие она с Никитки не снимет. И наставнице запретит.

К моменту возвращения Яги гостей успели накормить. Мефодий лично доставил угощение не слишком обильное, чтобы понимали, не рады им в этом доме. Пользуясь своей невидимостью, домовый внимательно осмотрел женщину, потом ребенка. Вернувшись, авторитетно заявил:

– Пакость какая-то. Нутром чую, провалиться мне на этом месте. А вот в чем сия пакость заключается, то не ведаю.

Девушка покивала головой, после чего снова стала следить за улицей. И все равно прихода наставницы не заметила. Вроде никого не было, только вдалеке маячила бабка Матрена, то ли чувствуя, что рядом будет сандал вскорости, то ли еще зачем, и вот калитка отворилась, и внутрь юркнула закутанная в шубу и теплый платок фигура с узелком в руке.

– Чую, чую, – еще поднимаясь по крыльцу, сообщила Яга, – печь не топлена, обед не сготовлен, полы не метены.

– А вот с последним поклеп, как есть, – возразил Мефодий. А потом сам огорошил. – Горе у нас, родимая. Гости пришли незваные, Костю оклеветали, Василисушке в душу наплевали, зло замыслили.

– А ты на что? – тут же поинтересовалась колдунья, прищурившись в сторону печи. – Ты же дом оберегать от зла должен.

– Да вот чую подвох, а самого не вижу.

– Ладно, где там гости незваные, – Яга сбросила шубу на лавку, расправила платок, огладила передник. – Ужо поговорю с ними.

– В приемной, – отозвалась Василиса.

– Ну, хорошо, пойдем, поговорим, – женщина усмехнулась, потом снова оправила одежду. – Давай, ученица, поднимайся с лавки. Лицо держать тоже уметь надо. В жизни с разным столкнуться придется. Бабка Матрена тебе еще ангелом небесным покажется.

Василиса хихикнула. Вот скажет наставница, так скажет. Чтобы бабу Матрену ангелом обозвать, надо быть и с теми и с другими знакомой. Хотя, скорее всего, черти не рискнут записывать старуху себе в родственники. А уж сковорода для нее давно должна стоять прокаленная, масло заранее заготовлено первосортное. Иначе придирик на всю преисподнюю не избежать.

Убедившись, что ученица выглядит собранной, серьезной, ничем своего беспокойства не выдает, Арина Романовна последовала в приемную, как они официально величали сараюшку.

Женщина все также сидела на лавке, только успела расстегнуть шубу да развязать платок, ну и ребенка раскутать. Малыш проснулся и теперь деловито сосал хлеб, замотанный в тряпицу, всем видом показывая, что готов в любой момент явить миру мощь своих легких. Никитка прохаживался по помещению, явно недовольный тем, как развиваются события, но изо всех сил стараясь не подать виду.

Едва Яга переступила порог, он тут же замер, развернулся и отвесил ей выверенный поклон.

– Здрава будь, бабушка.

– И тебе того же, – колдунья смерила его взглядом, потом прищипнула зубом. Василиса удивлялась, как это у нее получается, ведь с зубами у наставницы проблем не было, несмотря на возраст. Незаметно показала Василисе большой палец.

Девушка смутилась. Прежде всего, потому, что случайно заразила Ягу этим вредным жестом. Ну и потому, что та быстро и проклятье разглядела, и одобрила, как оказалось. Ну, да так охальнику и надо. Не будет девок молодых на позор соблазнять.

Потом Яга переключила свое внимание на гостью. Какое-то время пристально смотрела на нее и на ребенка, покачивая головой, словно размышляя.

– Да, с того берега ты, – наконец изрекла Арина Романовна. – Вдовая. А вот на могилку мужнину сходила бы, а то духи такие, могут и отомстить, когда того ждать не будешь. Особенно муж твой, тот еще при жизни был, да после смерти вряд ли сильно изменился. Смерть редко к лучшему меняет.

– Схожу, – покорно пролепетала женщина. Видно, боялась Яги больше, чем ее молодой ученицы. – Вот снег сойдет и сходу непременно.

– И что же привело тебя на наш двор? – нахмурилась колдунья. – Дом да двор твои в целости, семья здорова.

– За справедливостью пришла, – женщина заставила себя поднять голову и на миг встретится взглядом с колдуньей. – Чтобы сын в сиротстве при живом отце не рос.

Яга нахмурилась. Намеки ей сильно не нравились. А то, что успела рассказать Василиса, и вовсе наводило на определенные мысли. Весьма нехорошие. Руки так и чесались обработать наветчицу в кого-нибудь, вроде лягушки или крысы. Но нельзя. Один раз так проблему решишь, другой, а потом опять возвращаться на болото? Так избушка не пойдет. Ей хорошо на заднем дворе. Там почти всегда солнышко светит, бревнышки прогревает, ножки куриные просушивает. А на болотах что хорошего? Сырость одна, да те же лягушки в тине квакают. Разве что за клюквой ходить далеко не надо. Но тут смотря какое болото. Нет, не будет она никого превращать. Хватит того, что проклятье на Никите оставит. Сам дурак, не стоит Васю лишней раз задевать. А тут явился, хвост аки павлин развернул. Вот и получил.

Пока колдунья размышляла, руки сами свое дело делали. Со стола все лекарства убрали, специальные травы приготовили, блюдце перед зеркалом установили.

– Василисушка, сделай милость, свечи мои белые из жиру медвежьего да человеческого принеси, – попросила она девушку.

Посетители вздрогнули, а Василиса спокойно достала из дальнего шкафчика, что на особый ключик закрывался, связку свечей, для особых ритуалов предназначенных. Разумеется, были они изготовлены из белого воска с добавлением специальных трав, что придавали им

такой цвет. Только знать о том никому не надобно. Опять же мистика колдовская, уважение или страх, у кого на что ума хватит, вызывает.

Расставила все Яга на столе, после к гостье незваной обратилась.

– Ну, иди сюда, присаживайся. Намеки твои нам сомнительны, будем правду вопрошать, колдовство вершить. Коли правду говоришь, буду твоей защитницей перед Костей. А коли врешь, уже не взыщи, покарают тебя боги темные за наветы на человека честного.

Марфа вздрогнула, но подошла к столу и покорно села на колченогий стул.

Яга зажгла свечи, после чего принялась бубнить себе под нос заклинание. Василисе оставалось удивляться, как она умудрялась проглатывать слова, чтобы стороннему наблюдателю непонятно было. Руки старушки бросали то в огонь, то в воду те или иные ингредиенты. Но вот сами собой вспыхнули три незажженных свечи, меж которых стояло блюдо, забурилась заговоренная вода.

– Вода-водица, везде течешь, все ведаешь. Покажи мне, водица, откуда Марфа явилась.

Тут же в воде появилось изображение деревни, в которой жила женщина. Сначала общий план, потом приблизилось изображение избы. Не самая большая и богатая, но чистая, опрятная. Пусть не хватало мужской руки, было видно, что какую-то работу односельчане помогали справиться.

– Вода-водица, везде течешь, все ведаешь. Покажи мне, водица, мужа Марфиного, ныне покойного, – распорядилась Яга.

Изображение сменилось на портрет мужчины. Не красавиц, но и не урод. Обычный мужик лет сорока. В меру крепок, взгляд с прищуром. А то, что старше был, беда не велика. Тут юных боярынь за стариков отдавали, и ничего. Жили как-то. Даже детей рожали. Причем от мужей, а не от заезжих молодцев. Потому как муж мог сам к Яге прийти да спросить, от кого жена брюхата. Ну и отблагодарить за услугу соответственно.

– Вода-водица, – в третий раз обратилась к стихии колдунья, – везде течешь, все ведаешь. Покажи мне, водица, отца ребенка Марфиного.

Вода забурилась, потемнела, словно что-то мешало ей. Потом успокоилась, немного посветлела. И начала проступать фигура всадника в богатой одежде царского человека. Лицо оставалось в тени, но Яга с Василисой дружно переглянулись, когда отчетливо проступила рукоять меча. Этот меч, жалованный за службу Елизаром Елисеевичем, мог быть только у одного человека во всем мире. У Константина, Кощея Бессмертного.

Яга нахмурилась. Что-то не совпадало. И очень сильно. Может, потому, что прошлый год Костя ее провел не где-то по окрестным деревням, а в походе против басурман, что повадились южные земли разорять. В поход тот отправлял царь-батюшка воев надежных. Доверенных. В ком хоть капля сомнений была, тех оставляли в столице. А слух пустили, что часть дружины охотится по окрестностям на зайцев, расплодившихся не в меру. И все бы хорошо, но раз дело такое, то не сам ли надежа-государь отцом ребеночку приходится? Ведь в то время Кладенец еще пылился то ли в оружейне, то ли в казне, в общем, там, куда боярам ходу не было, дабы в искус не вошли.

– Видишь, Яга, – довольно произнес дружинник, – не ошиблась Марфа, колдовство твое подтвердило, кто отец ее сына.

– Не спеши, Никитка, – отмахнулась от него колдунья. – Ничего оно не показало. Лица-то нам не явлено. А у кого сей меч – тот еще вопрос. Сам знаешь, внешний вид подделать ничего не стоит. По рынку мастеров с два десятка найдется, выбирай, с кем в цене сойдешься. И ты, голуба, раньше времени не радуйся. Правда все одно кривду обойдет, наружу выйдет. И еще неизвестно, кто радоваться будет.

Надо отдать должное, на фоне Никиткиной радости Марфа была сдержана. Только вглядывалась в смутный силуэт, что колдовством явлен. Ну и ребенка укачивала.

– Пока Костя не вернется, разговаривать не о чем, – решила Василиса. – Коли Никита между нами раздор посеять решил, то зря. Что до меня было, я простила. С Костей я срок короткий. За это время ребеночка родить и то не получится.

Никитка помрачнел. Видно было, что его план провалился. Рассчитывал, видать, на то, что Василиса сразу от Кощея отвернется, да на него с лаской посмотрит. Ан нет. Любая другая долго думать не стала бы. Вмиг собралась, бросила все, да к тому молодцу, что помощь предложит, убежала. Но не эта девушка. Словно ни от мира сего она. И тем больше злился вой царский, что не его она выбрала, а соперника извечного, во всем его обходившего.

– Значит так, Марфа, – принялась дальше распоряжаться Арина Романовна, – ты своего ребенка забирай и домой возвращайся. Деревню твою знаю, рядом она. Коли самой тяжело дойти, Никита устроит, чтобы отвезли тебя. Как Костя вернется, за тобой пошлем, слово даю. Будем тогда совет держать. Коли понадобится, вновь к колдовству прибегнем. Если подтвердится, что ребеночек Костюшин, признаем, имя дадим. А на нет и суда нет.

– Как скажете, – покорно кивнула женщина, после чего принялась укутываться сама, а после и ребенка заворачивать плотнее в пеленки да одеяло. Тот пытался вырваться из плена ткани, но безуспешно.

Никитка не скрывал недовольства, но послушаться Яги не смел. Еще неизвестно, в кого превратит его осерчавшая колдунья. Ясно, что не любит она его, потому повода лучше не давать, а то будешь недолгий оставшийся век квакать на болоте или пищать в подполе. И та и другая перспектива не прельщали. Болота замерзли, а на мышей очень хорошо охотились коты. Потому лучшее, что сейчас можно сделать – увести Марфу из города. И ждать, изредка подбрасывая новые сомнения.

– Не нравится мне что-то это все, – пробормотала Яга, когда гости покинули подворье, а сами они устроились в горнице. – Нутром чую, что-то не то здесь, а что – не могу понять. То ли колдовство сильнее моего использовали, то ли еще какая пакость.

– Думаете, против Кости что-то замышляют? – Василиса заставила себя собраться. Все-таки не сама эта Марфа пришла, Никита ее привел. А от него девушка ничего хорошего не ждала.

– Может и против него, а может, кто на богатства Кошеевы позарился, – прищурилась колдунья. – Слухи по земле разные ходят, где правда, где ложь – так просто не спознать. А вот Никиткину корысть я и без колдовства назвать могу.

– Да, тут и к гадалке не ходи, – усмехнулась Василиса, вот только усмешка выла не веселой. – Никак простить не может, что я выбрала не его, а Костю. Тоже, наверное, думает, что меня деньги прельстили.

– Не переживай, – Арина Романовна столкнула с подоконника кота, после чего поставила туда горшок с крупой, из которой планировали на ужин кашу варить. – Коли беспокоиться, кто что подумал, так и вовсе стоит в леса дремучие уходить, от людей подальше. И то слухи доносить будут.

– Всякие добры молодцы, решившие на подвиги пуститься, чтобы жена успела о последней пьянке-гулянке позабыть, – не преминула заметить ученица.

– И они тоже, – не стала уходить от ответа Яга. – Ладно, девка, раньше времени переживать не стоит. Как бы оно ни сложилось, а последнее слово за Елизаром Елисеевичем будет. Все ж таки Марфа – девка из простых, а Костя наш, пусть и скрывает, но, как-никак, князь. Ни один священник без царской грамоты али патриаршего благословения не обвенчает. Иначе бы давно крестьянки деток боярских на себе женили.

– Да я особо не переживаю, – девушка уже успела прийти в себя после таких новостей. – Все ж таки я в этом мире уже где-то полгода. Явно ребеночек до моего появления сделан был. А что до меня было, за то мне обиды держать не стоит. Смотрела бы под ноги на улице, и не попала бы сюда. И кто знает, как бы все обернулось еще.

– Вот и правильно, – похвалила ее наставница. – Костя вернется, и будем судить да рядить. Пока же у нас и без Никитки с его кознями дел хватает.

Яга принялась собирать на стол. Вася поняла, что после обеда им предстоит много работы, да не в сараюшке-приемной, а в избушке лекарства делать да зачаровывать, потому быстро подхватила с места. Благо почти все сделано уже было, только из печи достать да на стол поставить. А что не приготовлено, не беда. Мужчин в доме один, да и тот – кот, а ему разгатавливать не надобно. Налили в миску сметаны, он и рад.

– Из-за острова на стрежень, на простор речной волны, – раздалось с улицы на три голоса, – выплывают расписные Елизаровы челны...

– Новенькое что-то, – заметила Арина Романовна и покосилась на девушку.

Василиса только пожала плечами. Ну что делать, коли понравились Горынычу песни из чужого мира. Благо, что слова он ловко переиначивал под родные реалии. И вот теперь радовал Городец песней о большом торговом походе Елизара Елисеевича аж до самого Лондона. Было непривычно, но девушке нравилось. А горожане и вовсе не скрывали своего восторга.

Сначала Василиса боялась, что ее неосторожные слова, жесты, а то и действия смогут изменить будущее родного мира. Но постепенно поняла, никакой роли это не сыграет. Весь этот мир изначально шел по своему пути развития. Иначе как объяснить тот факт, что христианство появилось, но не вытеснило прежние верования, а благополучно сосуществовало с ними. А боги отвечали на молитвы. Да само существование домового и банников заставляло сначала усомниться в собственной здравости, а после в том, что же это за мир такой. Мир был обычным, как уверила ее Яга, не лучше других, не хуже, а свой собственный. Боги вмешивались в события, когда им что-то не нравилось, внося свои коррективы. Где-то удалось избежать ряда войн, где-то, напротив, сражения были более чем жаркими, история постепенно развивалась по общим для обоих миров законам, но со своими коррективами. Теперь Змей Горыныч радовал местных жителей не только религиозными песнопениями и народной музыкой, но и новым репертуаром. Может, конечно, это изменит ход истории. В этом мире не родится Пахмутова, какие-то песни не будут написаны. Так ли это важно? Не известно.

Хотя, сама Василиса весьма сомневалась, что вся история будет развиваться в точности, как на ее родине. Взять хотя бы тот факт, что после открытия Америки, туда быстро уехали все представители еврейского народа, дабы создать свое государство. Пусть им жилось не так плохо, не пылали костры по Европе, не жгли еретиков, но народ хотел получить не только право свободно исповедовать свою религию, но и территорию, которую сможет назвать своей страной. И получил такую возможность. Сейчас их государство успешно сотрудничало с местным населением, попутно торгуя с Европой новыми сельскохозяйственными культурами. Вон, помидорная рассада на подоконнике уже пробивается. А несколько картофельных клубней ждет весны в подполе. Яга согласилась на эксперимент, а Елизар Елисеевич, прознав о нем, тоже ждал результаты. Коли успешно все пройдет, можно будет новую культуру завезти, не в ущерб пшенице, само собой. Но в дополнение.

Все так хорошо шло. И тут нате вам. Василиса заставила себя не вздыхать печально. Подумаешь, ребенок. Вон, подруга ее за мужчину с двумя детьми замуж вышла. Правда, он вдовец, но это еще сложнее. Тут дитя с матерью будет, а там надо к ним подход находить, доверие завоевывать. Так что ее положение не так плохо, как могло показаться со стороны. Опять же, без дозволения царя и патриарха никакой свадьбы и быть не может. А они вряд ли согласятся мешать княжескую кровь с крестьянской. Одно дело – сама Василиса. Она пришелица из другого мира, опыт ее ценен, знания полезны. К тому же колдовской дар в ней постепенно просыпается. А колдуньи завсегда наособицу идут. Да и сам Кошей из рода колдовского. Тут сами боги велели соединить их, дабы еще более сильный потомок служил на благо народу Московии.

– Знаешь, Василисушка, не нравится мне это все, – неожиданно прервала молчание Яга. – Совсем не нравится. И до того приметы были, что беда не за горами, а тут еще эта Марфа с дитятком своим.

– Марфе я бы поверила, коли бы не Никита ее привел. Потому и не сдержалась, – вздох Вася удержать не смогла, но потом ехидно улыбнулась. – Цели его мне ясны, пусть теперь походит павлином.

– Вот и меня сомнения взяли, – согласилась наставница. – Потому твою ворожбу отменить и не стала. Да и девок ему хватит портить. А то скоро подворье Елизарово одними его детьми полниться будет. Что уж тут хорошего. Да и сами девицы уже устали от его приставаний.

– Теперь смелости достанет от ворот поворот дать, – зло произнесла Василиса. – А то не успеет мне лапши на уши навешать, как бежит на сеновал то с Дуней, то с Маней, то с Глашей. Противно.

– А принеси-ка мне мешочек с рунами, – неожиданно попросила Яга. – Пусть то не нашенское колдовство, да оно и лучше. Попрошаю богов чужеземных. Может, дадут ответ. А не дадут, так я дальше наших пытаться буду. Кто-то да ответит.

Последняя фраза заставила девушку вздрогнуть. Разумеется, найдутся боги, готовые дать правдивый ответ. Только вряд ли тот же Чернобог согласится сделать это в обмен на жертвенную курицу. Как бы того самого младенчика не запросил. Нет уж, такой цены им не надобно, сами до всего докопаются. Скандинавские же боги помогали через раз, только если им это выгодно было. Знать бы еще, есть им корысть в новом деле, или предпочтут со стороны наблюдать, что в Московии твориться.

Руны легли причудливо. Вот только, судя по лицу Яги, ничего хорошего они им не обещали. Сама Василиса еще не начала эту премудрость постигать. Как сказала ей наставница, силы пока недостаточно. Но даже тех объяснений, что когда-то давали, девушке хватило, чтобы понять, ничего хорошего их не ожидает. Колдунья просто хмуро смотрела на расклад, чуть шевеля губами. То ли заговор какой читала, то ли просто недовольство выражала.

– А пусть оно все так и останется, – решила в итоге Яга. – Хуже не будет, а в остальном, разберемся.

Вася поняла, теперь наставницу можно хоть как пытаться – увиденного она не откроет. Остается только смириться и ждать, пока история сама собой разрешится.

Кощей вернулся через несколько дней. Выслушав новости, опустил на лавку и устал в пол.

– Ну и что ты нам, соколик, скажешь? Чем сердца тревожные успокоишь? – вкрадчиво поинтересовалась Яга.

Мужчина задумчиво что-то вспоминал, не спеша начинать оправдываться или отнекиваться, а потом изрек:

– Не помню. Ездили мы в ту деревню на охоту. И по срокам вроде совпадает. Но ты, бабушка, будто не знаешь, каково это – с воеводой нашим пить. И отказать нельзя. Так что саму охоту смутно еще помню, а что потом было – провал. Он же сначала за поездку, потом за охоту, потом за прибытие, потом вроде по лесу скакали, чуть шеи не свернули и себе и коням, потом, вернулись вроде, а дальше все. Баня, кажется, была, а может, и не было. Бабы могли быть. В деревне всегда хоть одна вдова да найдется.

– Пряма «Особенности национальной охоты» какие-то, – пробурчала себе под нос девушка. – А добычу то привезли хоть какую-то?

– Да никакой, – ответ Василису не удивил. Если пили так хорошо, о какой добыче может идти речь, когда «охотиться» еще в Городце начали. Странно, что до места добраться смогли. Вот с чего мужики перепились – то уже интереснее.

– И в честь чего такой содом приключился? – озвучила интересовавший девушку вопрос ее наставница.

– Так у Козьмы Силыча невестка родила, – припомнил Костя, – да, точно, тройню она ему как раз и родила. А ты же сама знаешь, что сын у него тогда погиб в походе. Жену еще раньше схоронил. И из других детей только дочери. Тут же разом три парня, продолжатели рода. Вот и разошелся он с позволения царского.

Женщины переглянулись и дружно вздохнули. Ну и что им делать, когда сам виновник точного ответа дать не может? Колдовство колдовством, да только оно не всегда ответ поможет найти. Марфа в то время вдовой не была еще, но могла заглянуть по просьбе воеводы, особливо, если мужа дома не было. Кто его знает, какие мысли в голове были. Может, надеялась, не от мужа, так от заезжего молодца понести. Кто теперь что докажет. Разве что к царю идти, да спрашивать, кому в то время Кладенец выдавал для использования. Да только попробуй, упомни, времени прошло прилично, случилось многое. А учет таким делам не ведется. А то вовсе кто не сам меч, а под него игрушку использовал, чтобы девкам сказки красивые рассказывать о подвигах геройских.

– И что делать думаешь? – поинтересовалась Василиса.

– Не знаю, – как-то жалобно вздохнул Костя.

Вопрос так и оставили открытым. Все-таки о ребенке речь шла, а не о котенке или щенке. Хотя, с животными все куда проще. Да и будь хлопец старше, тоже можно было бы выход найти. А что тут сделаешь, когда он без мамки не обходится. И ждать еще вон сколько лет, прежде чем вопросы серьезные ставить. Вот и решили, что надо все обдумать как следует. Не торопиться решение принимать.

На утро Костя собрался в деревню. Ехать не далеко было, так что решил засветло обернуться. На ребенка посмотрит, что матери его нужно, выяснит. Вечером на доклад к царю-батюшке идти, вот он заодно и этот вопрос затронет. Понятно, не поглядят по голове за такие новости, но что делать. Сам не думал, не гадал, ан вот все как обернулось.

А еще через несколько дней сани прикатили к терему. Марфа с ребенком приехала, да не с пустыми руками, а вещи свои да дитяти привезла. Пока женщины ждали, Костя решил забрать ребенка и его мать из деревни прежде, чем слухи по Городцу поползут. А в том, что без слухов обойтись не получится, сомневаться не приходилось. Не успел Кощей на царское подворье шагу ступить, тут же Никитка словно из-под земли возник. Да и начал интересоваться, как дела у ребеночка. Тут хочешь, не хочешь, а придется такое решение принимать.

Одного только Костя не учел, не в характере Василисы мириться с подобной ситуацией. Не успела одна женщина вещи до крыльца перенести, как вторая уже в сторону царского терема поспешала. Царь едва думу боярскую отпустил после очередного собрания – не собрания, так, обсуждения с переливанием из пустого в порожнее, как в дверях ученица колдуньи возникла. Бояре, увидав ее, попятнулись. Ну, как девка слово недоброе скажет в таком состоянии. Превратить во что силы пока не достанет, но и без того попадет так, что мало не покажется. Будешь себя лягушкой али собакой считать – приятного мало. А уж по репутации урон какой. Быстро очистили они помещение да коридоры к нему прилегающие.

Елизар Елисеевич тоже сбежать хотел бы, да возможности не было. Ясно, что к нему девушка пришла. И, суда по тому, что он слышал, связано это было с Марфой и ребенком ее. И не ошибся надежда-государь. Едва двери за спиной жалобщицы затворились, девушка поклонилась поясно, да взмолилась:

– Ваше царское величество, прошу вас, не прогоните, выслушайте. Кроме как к вам, больше попаданке несчастной пойти некуда...

– Так, Василиса, – прервал ее стенания царь, – вот давай без этого всего. Бояр моих и близко сейчас нет, слуги подслушивать обыкновения не имеют, особенно, когда с колдунами общаюсь, так что давай четко и по делу, как ты умеешь.

– А я такую речь проникновенную заготовила, – вздохнула девушка. – А по делу если, привел Костя в дом эту... – она махнула рукой, не желая уточнять, – Да только не могу я под

одной крышей с ней находиться. И без того меня то и дело обсуждают, а тут и вовсе разговоры пойдут один хуже другого. Будут подозревать во всех грехах. Не хочу. Помогите, ваше величество, если есть какой домик в Городце пригодный к проживанию, предоставьте. Или при дворе место определите. Могу слугам помогать, могу лечить, могу просто не мешать.

– Значит, так он решил, – вздохнул Елизар Елисеевич. – Ладно, пусть пока так и будет. Насчет тебя, Вася, тоже решим. Есть у нас домик на балансе казны. С тех пор, как знахарка городская, что там жила, скончалась, никому он не принадлежит. Если есть желание, можешь его занять. Захочешь, поживешь, пока с Костей не разберетесь, а если желание есть, можем договор заключить, и ты его постепенно выкупишь.

– А что тут думать, – заметила девушка. – С Костей когда еще прояснится. Может, все на несколько лет затянется. Опять же, я по местным меркам, бесприданница. Так пусть хоть что-то за душой будет. Я согласна на договор. И пойду смотреть, что за дом. Хочу как можно быстрее переехать туда.

Царь внимательно посмотрел на девушку, словно взвешивая все за и против, потом позвонил в стоявший на столике возле трона колокольчик. Тут же явился слуга, выслушал распоряжение и с поклоном удалился.

Уже вечером два ослика, Моисей и Рабинович, нагруженные сумками, перебирались со своей хозяйкой на новое место жительства. Домовой Мефодий и прочие обитатели подворья Кошечева вовсю наводили порядок, топили печь, утепляли хлев, чтобы Василисе и живности ее было проще обустроиться на новом месте.

Рынок оглушал. Даже привыкшему к шуму человеку сначала казалось, что вот-вот уши его не выдержат. Насколько Василиса успела привыкнуть к шуму большого города, когда с одной стороны музыка, с другой реклама говорящая, с третьей то ли обсуждают что-то, то ли ругаются, и на фоне всего этого машины проносятся, служебный транспорт с сиреной прорезает движение на перекрестках, а то и вовсе у кого-то глушитель отвалился, но рынок Городца превосходил все. Наверное, только в Купце было еще больше шума. Но на то он и экономическая столица. Городец же – столица Московии, был в первую очередь политическим и культурным центром. Торг же перенесли на другую сторону Столичного острова, там, где перед каналом, что Итиль, сиречь Волгу, в ее изгибе спрямлять призван, некогда поселение землекопов находилось. Но, как оно водится, пока строили канал, обжились. Вместо землянок добротные избы появились. И решили власти город там оставить. Все надо место для торгового выбирать, чтобы купцы, которые через канал пойдут, могли свои товары и в столицу отправить, и в другие города, куда уже по трактам добираться.

Василиса уверенно пробиралась через толпу. Кошель был надежно припрятан за пазухой в специально пришитом кармашке. Но стоило отдать должное даже самому последнему воришке, никто не осмеливался покуситься на средства будущей Яги. Слава эта за девушкой уже закрепилась, и чем дальше, тем больше людей обращались к ней. Понятно, со сложными заболеваниями шли по-прежнему к Яге опытной, но получить средство от кашля или головной боли можно было и у ее ученицы.

Девушка благополучно миновала овощной ряд. Запасы у нее были. Кто-то расплачивался денежкой, а кто-то продуктами. Фрукты особо не соблазняли, даже те, что считались заморскими. Василиса сама пыталась вырастить что-то этакое. Два хвоста от ананаса уже торчали над горшками с водой, постепенно выпуская корешки. Время придет, в горшки землю насыплет, а там, кажется, лет через пять, свой фрукт должен вырасти. Вроде что-то такое она читала в каком-то журнале для садоводов еще дома. Картофель она посадила, когда устоялась погода. Уже ростки полезли. Скоро придется полоть да окучивать. А на участке у наставницы, в теплице, где вместо привычной пленки стекло использовалось, высадили рассаду помидоров да

огурцов. Елизар Елисеевич обещался в случае удачных опытов новые семена уже для государевых опытов выписать.

В Европе картошку еще в горшках выращивали, а они скоро ее на экспорт продавать будут, смеялась девушка, рассказывая царю, как оно в ее мире обстояло. Елизар Елисеевич качал головой, но по глазам видно было, что он доволен. Шутка ли, европейцев обойти хоть в чем-то. Они, конечно, с Московией считаются, но все больше потому, что страна большая, людей достаточно. Случись что, оружие у всех примерно одинаковое, зато армия сильнее у восточного соседа выйдет. А тут не военным путем превзойти, а в экономике. Коли приживется картофель, начать его выращивать активно. Главное, одному начать, а там и остальные подтянутся. Лет за пять планировал царь сделать странный овощ одним из основных продуктов. А через десять начать западному соседу продавать излишки. Так что Вася спокойно проходила мимо торговых рядов с помороженными, мятыми плодами. Кофе она себе купила, а больше ни на что не соблазнялась.

В мясных рядах было скромнее. Весна, скотина отощать успела. Поросят все еще по осени забили, так что свинины тоже много не было. Разве что дичь какая, и та больше по дурости попавшаяся, чем специально промышляли. Но в этих рядах девушка задержалась. Долго присматривалась к товарам, потом выбрала, расплатилась. В отличие от осликов, их хозяйка без мясного долго не могла. Потом пошли ряды молочные, сыры, сметана. Вот уж где выбор богатый да ароматы соблазнительные. Уже самым последним оказался отдел, где живность да корма для нее продавали. Там девушка и нашла зерно всякое для питомца заморского. Заодно поспрашивала, не знают ли, может, у кого птица недавно улетела. Но нет, попугай не потерялся. Так что девушка заодно приценилась к клеткам и договорилась с торговцем, что он ей одну доставит.

Вася уже собралась покидать рынок, когда ее внимание привлек странный человек. Забравшись на скамью возле забора, он энергично размахивал руками, что-то выкрикивал. Ближе подойти не получалось – мужчину окружила большая толпа, среди которой сновали карманники, радуясь нежданному везению.

– Скоро грядет конец света! – вещал неизвестный. – Сложатся цифры в число антихристово! Тьма поглотит землю. Молитесь, отвернитесь от прежних богов, принесите клятву верности новому, и спасетесь.

– Это которому? – поинтересовался кто-то из толпы. – Коли Христу, то в него мы тоже веруем, равно как в остальных.

– То старый бог, – был ответ, – я же вам вещаю о новом, ибо грядет время и придет новый бог, и будет он карать или миловать.

Дальше слушать Василиса не стала. Слишком это было знакомо. Или не в то верите, или не так. Сколько таких вот пророков регулярно приставало к прохожим в ее мире. Как-то отец даже пригрозил одному ретивому хлопцу, что спустит его с лестницы, если еще хоть раз увидит или его самого, или его макулатуру. Так что нового для девушки в этом ничего не было. Закончив с делами, она отправилась домой.

Птица сидела в клетке, внимательно изучая обстановку. Периодически попугай наклонял голову то на один бок, то на другой, издавал шелкающие звуки или что-то свистел. Василиса разобрала покупки, насыпала в мисочку зерна и поставила в клетку. Заметив угощение, попугай слетел с жердочки, которую девушка «смастерила» из толстой палочки, и принялся кормиться.

– Сегодня уже поздно к, – сообщила Вася птичке, – а завтра тебе новый домик доставить должны. Потом загляну к дядьке Захару, что бубенчики мастерит, да пару зеркалец и прочие развлечения достать али смастерить попробую. Будешь ты у меня жить в комфорте.

Птица посмотрела на хозяйку, что-то цокнула, после чего снова принялась за еду. Девушка же только покачала головой. У Яги в питомцах ходили три мышонка и кот, а у нее

птица заморская, причем, насколько девушка помнила по рассказам подруги, водились они только в Австралии. Которая еще маленечко так не открыта. Намекнуть, что ли Елизару Елисеевичу, чтобы корабли большие снарядил да отправил экспедиции. С другой стороны, так ли это надо. Уже сейчас путешественники обследовали Сахалин. А ведь в ее мире подобные экспедиции, если память не подводила, были много позднее. Вот что значит, иной мир и иная история.

– Покайтесь! – донеслось с улицы. – Падите ниц перед ликом нового бога!

Девушка вздохнула. Попугай, заслышав заунывный голос проповедника, заметался по клетке, после чего распластался по ее дну, разметав в стороны крылья, насколько это было возможно.

– Вот и хозяйева нашлись, – вздохнула Василиса. – Все хорошо, Кеша, я тебя не отдам. Все хорошо.

Попугай приоткрыл один глаз, покосился на новую хозяйку. Убедившись, что никто не собирается его обижать, открыл второй, потом сел и что-то цокнул, словно жалуясь девушке.

– Вот сейчас пойду и поговорю с этим крикуном, – пообещала Васька птичке, после чего взяла чистый платок, повязала его, как в фильме актриса, игравшая Солоху, носила, вооружилась метлой и вышла на крыльцо.

– Ты кто такой, чего надобно? – окликнула она незнакомца. – Ты хоть знаешь, сколько времени уже? Люди детей укладывают, а он раскричался. Да еще такой дурниной, словно кот в марте.

– Молчи, женщина, – обернулся к ней незнакомец. – Твой удел, быть тенью в доме и молчать, пока мужчина не позволит заговорить.

– Да что б тебя... – Василиса задумалась, выбирая, чтобы пожелать человеку неприятного, но без вреда для организма. А ну как его бог обидится. Наконец она придумала. – Что б тебе неделю икалось без перерыва.

Черенок метлы ударил о крыльцо. Где-то вдалеке пророкотал гром.

– Молчи жен-ик-щина, – вновь попытался завывать проповедник, но на этот раз убедительности не было. Икота не располагала к соответствующим интонациям. – Ведьма-ик.

– Я только учусь, – не стала особо спорить Василиса.

– Сними-ик свое колд-ик-ство, – уже не так пафосно и без завываний потребовал проповедник.

– Извини, не умею, – развела руками будущая Яга. – Пока меня только накладывать проклятья научили. И тебе еще повезло, могла бы пожизненно импотентом сделать, чтобы на баб смотреть – смотрел, а мочь не мог, – в ответ на недоуменный взгляд пояснила Василиса. – Или еще что придумать могла. Считаю, пожалела тебя.

Проповедник только плюнул в сторону забора, после чего, ругаясь под нос и икая, побрел по улице.

– Не боишься, Василиса Ивановна, что покарает тебя их бог неведомый, – раздалось с соседнего участка.

– Опасаюсь, Демьян Захарович, – повернулась девушка на звук голоса. Понятно, что соседи не могли пропустить очередное бесплатное представление. – Потому и выбирала что попроще, да побезобиднее. Ну да и наши боги, надеюсь, защитят, не оставят свою колдунью.

– Оставить так точно не должны, – согласился с ней сосед. – Коли ты к ним с уважением да почетом, и они отвечать помощью да защитой должны. Все ж таки их это город да страна. А тут какого-то чужака вместо всех поставит пытаются. Это словно царя нашего свергнуть да посадить на его место скомороха заезжего. Иного сравнения у меня нет. Так что да, должны они тебя, голубушку, защитить да оберечь от зла иноземного.

Василиса покивала, после чего вежливо раскланялась соседом и вернулась домой. Утром следовало ждать Ягу. Вряд ли та оставит происходящие события без внимания. Скорее всего,

и карты уже разложила, и воду смотрела, а то и с кем-то из богов поговорить успела. Да и Костя в Городце. Пусть Елизар Елисеевич все грозился отправить его с объездом по городам, чтобы не докучал бывшей своей невесте, репутацию свою остатнюю не портил, под забором ее сидючи, аки пес выгнанный, но угрозы своей пока не сдержал. А с такой напастью вряд ли решит людей верных отсылать прежде, чем понятно будет, что за бог такой объявился, и чего от его проповедников ждать.

Сама Василиса за себя не боялась. Пока вещи перевозила, да по рынку бегала, Яга с Костей на границы участка наложили заклятье. Коли кто с дурными мыслями придет, тот ворота преодолеть не сможет, попытается через забор перелезть – не получится. Разве что перелететь, но на такую высоту подняться только Горыныч может, а он с девушкой в дружеских отношениях. Но все равно колдунья на всякий случай обошла домик, произнесла охранительное заклинание, коему недавно выучилась. Чтобы ни огонь ее жилье не взял, ни вода, ни ветер. А то кто этих богов знает. Мало ли, все-таки обидела. Хотя, нечего выбирать проповедников с таким мерзким голосом. Только недавно коты орать закончили, а тут нате вам, снова гнусавят да завывают.

Когда с защитой было закончено, Василиса переделалась в любимые домашние брючки и футболку, кои сшили по ее специальному заказу Даша и Глаша. Одно дело – на людях ходить. Там и не захочешь, а придется выглядеть соответственно, а вот дома, вечером, когда в гости никого не ждешь, зато работы хватает, самое оно. Потому как приходится то на чердак за травами забираться, то в погреб, то за печку. Мефодий все никак не мог подобрать ей подходящего домового, чтобы молодой, работающий да нравом легкий. Вот и приходилось все самой. Нынешний вроде как справлялся, но его пока особо делами не нагружали. А что будет, когда все заботы не только о доме, но и о хлебе насущном на него переложат?

Вот только работа не шла. То самое вообще от слова совсем. Все из рук сыпалось. Вода в ковшике выкипела, сбор рассыпался, благо, что по столу, чистой скатертью застеленному, а не по полу. Решив не переводить зря ценные травки, да и собой не рисковать, а то надо было кое-что нарезать, Вася собрала работу и отставила в сторону. После чего положила на стол тонкую досочку, принесла бумагу, карандаши и принялась думать. Рука сама собой начала набрасывать фигуру. Но на этот раз, как ни странно, не Костю. К удивлению девушки рисовала она проповедника.

– Вот ведь, аспид, привязался, – ругнулась она.

Но задуматься стоило. Шестое чувство еще ни разу не подвело ее. В этом мире так точно. Видимо, сила колдовская не только для чародейства нужна. Подсказывает она, на что внимание обратить, к чему присмотреться, прислушаться. Видно, не простые это проповедники, коли пару раз она с ними столкнулась, а уже рука сама образы выводит.

Отложив в сторону рисунок, Василиса взяла чистый лист бумаги, разделила на несколько столбиков и принялась вспоминать всех известных ей богов. Прежде всего, перечислила имена из монотеистических религий, благо всего ничего было. Со славянскими богами трудностей тоже не возникло. Девушка давно успела выучить весь пантеон – колдунья должна знать, к кому за помощью в каком случае прибегать, да что взамен потребовать могут.

Не все плохо было с греческими богами, а вот с их римскими родичами выходили затруднения. Все-таки одно дело помнить по имени, другое – кто кого заменить может. А такое тоже бывало, как оказалось. Смертные не замечали, и все довольны были. Особенно боги, когда хотелось тиши и покоя хоть на денек. Скандинавские вспоминались еще хуже. А вот с остальными и вовсе грустно было. Не до мифологии было в той жизни. А в учебниках по медицине если кто и поминался, то Асклепий и иже с ним. Да и то в предисловии.

Вот разве что привычные секты типа сайентологов и прочих вспоминались. Пожав плечами, девушка и их внесла в свой список. Чем черти не шутят. Может, кто-то из так называе-

мых пророков родился на несколько веков раньше. Лучше перебдеть. А еще лучше – заловить одного из них и попытаться вызнать, что это за бог такой неведомый.

– Дело ясное, что дело темное, – вздохнула Василиса.

Надо утром будет к Яге отправляться. Пусть и не хотела она в терем наставницы заходить, пока там другая хозяйка живет, но ситуация складывается не из приятных. Хочешь – не хочешь, а пойдешь. Вот только сначала клетку для Кеши получит, чтобы ему там удобно было, и полетать хватало места, устроит все в ней, чтобы птица не скучала в одиночестве. А то попадет опять к этим завывателям, и неизвестно, чем все для попугая закончится.

Утро для девушки началось не с привычного пения петухов, а с очередного завывания с улицы.

– Покайтесь, ибо грядет Бог новый... – выл и гундосил проповедник.

Василиса недовольно поморщилась. Услышав голос, попугай забился в своей клетке, потом замер и попытался забиться в угол.

– Что б тебе охрипнуть, и пока сто килограмм меда не съешь, голос не вернется, – недовольно пробурчала девушка.

С улицы почти сразу донесся кашель, а новые попытки призыва под знамена новых богов прекратились.

Перевернувшись на другой бок, девушка задумалась. Двоих проповедников она из строя вывела. Одного не на долго, второго – как повезет, точнее не повезет несчастному. Вдруг у него на мед аллергия. В любом случае это только двое. Может, еще парочка на счету у Яги. Та тоже не любит подобных типов. Но у нее защита богов куда как лучше, она и с иноземными в добрых отношениях. Да и кто только не захаживает к женщине, что в дремучем лесу живет. Но даже если четверо странных товарищей лишились возможности орать во всю мощь легких, это не значит, что удалось справиться с ними. Зато неприятности прибывают. У нее так точно. Одно было ясно точно, с проповедниками надо разбираться. И идти надо было не к Яге, а на царское подворье к Елизару Елисеевичу.

Василиса потянулась и выглянула за окно. С определением времени сложности у нее возникали постоянно, вот только немецкие да голландские мастера, что в Городце обосновались, за часы настенные такие деньги просили, что позволить их себе девушка пока не могла. Впрочем, крик петуха оповестил, что разбудили ее не так уж и рано. Пора вставать, умываться, одеваться, завтракать да за дела приниматься. Точнее получить для сожителя Иннокентия клетку, а от мастера колокольчиков уже и к палатам царским отправляться. Как раз бояре подтянутся, тоже возмущаться начнут. А как не возмущаться, когда по улицам ходят люди неведомые да орут противными голосами, насладиться сном сладким утренним перед долгим днем, полным забот о царстве-государстве не дают, под бочком у матушки боярыни понежиться минутки последние мешают.

На сборы много времени не ушло, и, как девушка и рассчитывала, к хоромам царским она подходила к тому времени, когда там же оказывались первые бояре. К внутренней радости юной колдуньи вид у них был не лучший. Кто-то осторожно зевал в ладонь, кто-то прятался за высоко поднятым воротом кафтана, а кто-то и вовсе дремал, опершись на посох. Видно, проповедники чужеземные на их улицах особую активность проявили. Выспавшийся вид девушки явно вызвал у них приступ острой зависти.

– А и вам, бояре почтенные, надежда государева, этой ночью покою не было, – поклонилась им девушка.

– Не было, ни минутки уснуть ироды окаянные не давали. Никакого покою от них. Все ходят, кричат, да чего, зачем? Ты уж растолкуй народу, а то одно недовольство.

Бояре тут же начали активно жаловаться. Василиса же стояла и слушала. Все-таки информации от думы боярской можно получить больше, чем от торговки на рынке. Те и присочинить

рады, лишь бы их слушали. Бояре же просто высказывали наболевшее, накипевшее, далеко от истины не уходя. Опять же, сильно колдунам врать опасались, как бы потом себе дороже не вышло.

– Да в том и беда, – выслушав бояр, заговорила Василиса, – что и сама я ничего толком не понимаю. Вы же знаете, что я не местная. Вот только-только освоилась.

– То нам ведомо, но что за люди то, понять и чужому человеку можно, – прищурившись, посмотрел на девушку боярин. – Ходят, кричат про богов что-то. А вот им от нас надобно, то нам не ведомо.

– Надобно не так много, всего лишь перестать нынешним богам поклоняться, да их бога принять, – припомнила все завывания предыдущего дня девушка. – А вот что за бог такой, то скрывают. Все равно, что покупать товар, не глядя, что в мешке. Может, зерно, а может навоз. Или вообще бешеная лисица.

Бояре перекрестились. К чужим богам относились настороженно. Одно дело, когда проповедники начинают учить, как в храм входить, поклоны бить да креститься. Богам то, как практика многовековая показала, до лампочки. Хоть левой, хоть правой, хоть кулаком. Главное, что в помыслах. Когда же призывают от богов отказаться, да кому-то новому поклоны класть, то сразу тревожит. Что это за бог новый, каких он подношений потребует. Перуну раз в году быка в жертву приносят, прочим богам кур, коз, овец. Христу вот свечки ставят. А этот кого потребует? Хорошо, если лояльным откажется, а ну как девственниц или первенцев, или еще чего такого? Нет, люди добрые, вы нам сначала обскажите, что к чему, а мы думу думать станем, поклонимся, или дубьем проповедников погоним. Авось, наши боги заступятся. Им человеческие жертвоприношения тоже не по нраву. Так и вовсе без верующих остаться можно.

– Э нет, – прокашлявшись, начал речь перед коллегами боярин Спесивцев, – не дело это, вот так вот с ходу чужую веру принимать. Иудеев мы знаем, магометан, даже чернокожие язычники африканские нам ведомы. А тут пришли странные люди, о боге своем ничего не рассказывают, а поклониться ему призывают.

– Да карами страшат, – припомнила беседу на рынке девушка.

– Еще и карами, – боярская дума разошлась не на шутку. Дело ли, боярам угрожать. Это они сила в городе, после надежи-государя, само собой, а какие-то холопы их запугивать пытаются. – Да мы на них в следующий раз собак спустим, слуг заставим в подвал стащить, за то что матушке-боярыне спать не дают...

Василиса предпочла отойти в сторону, а то не ровен час, да попадет под горячую руку. Ясно одно, в борьбе с богами неведомыми союзник у них есть. Пусть скупой, властный, крайне непостоянный, но союзник. С боярами главное договориться суметь, дальше будет проще.

Пока девушка выслушивала, что с проповедниками самозванными сделают бояре, на царское подворье подошла Арина Романовна.

Яга скромно встала в уголочке, прислушиваясь к речам бояр. Потом, заметив Василису, поманила девушку к себе.

– Ну, рассказывай, как с теми, кто спать мешал, разделалась? – после приветствия поинтересовалась колдунья.

– На одного икоту наслала на неделю, другой будет сипеть и хрипеть, пока меда не наестся, – не стала скрывать девушка. – Думаю, что дальше желать, чтобы и не мешали, и с их богом не сильно отношения портить, а то мало ли что.

– О последствиях думаешь, это молодец, – похвалила ее наставница, – да и о людях не забываешь, что тоже верно. Сильного вреда им не делаешь, это правильно. Но о ссорах с богом неведомым на будущее беспокоиться мало, надо и о жрецах его думать. Они и сами осерчать могут, да по-свойски разобратся, к помощи сил высших не прибегая.

– Защиту я усилила, – попыталась успокоить ее девушка, – ну и о банальной осторожности не забываю.

Яга покивала. Как чувствовала она, отправила Костю. Пусть и он свою силу немалую использует. Лишним не будет. Неизвестно еще, с кем они дело имеют. Может, мелкий божок, которому поклонение требуется, чтобы в силу войти, а может статься, что пожаловали к ним адепты сильного бога, в этой части света неведомого, но злого да мстительного.

Между тем, бояре закончили шуметь и отправились в палаты, где заседание думы проходило. Пусть Елизар Елисеевич все больше решения принимал самостоятельно да поручал их исполнение людям верным, полностью от традиций предков отказываться не хотел. Как по этому поводу говорила Василиса, превращал орган законодательный в законосовещательный. Чтобы они только предлагали да рассуждали, как лучше, а решение сам царь принимал.

– Арина Романовна, Василиса Ивановна, пожалуйте, – позвала их девушка. – Вас царская семья видеть желает. Думали посылать за вами, а вы сами уже пришли.

Колдуньи старая и молодая последовали за ней в царские палаты. Идти пришлось не далеко. Ждали их в трапезной. На большом столе уже возвышался традиционный самовар, стояли чашки, на паре блюд разложили булки разные да пироги. Ну и без варенья никуда. Все было готово для беседы обстоятельной. По правую руку от Елизара Елисеевича сидела матушка-царица Марфа Матвеевна, по левую – наследник, царевич Елисей. Рядом же с царевичем и невеста его обнаружилась, дочь саксонского курфюрста Анна-Мария, в крещении же Анастасия Юрьевна. Все это лишний раз намекало, что разговор будет не просто серьезный, а очень важный.

– Надо бы и Константина позвать было, – когда закончились краткие поклоны, гости за столом расселись, а царица всем чай разлила, заметил Елизар Елисеевич. – Два колдуна – хорошо, а три лучше. Но не знаю я, как в вашем семействе дела обстоят. Может, позову его, а тут драка случится безобразная, боярам на радость, вам на огорчение. Так что придется с ним потом особо беседовать.

– Да могли бы и позвать, – пожала плечами Василиса. – Я не тот человек, чтобы фыркать начать, когда речь о делах важных идет. Чай взрослая, голова на плечах не для того, чтобы есть да шапку носить. Понимаю, когда лично в сторону отодвинуть надобно.

Судя по тому, как по лицам царским улыбки промелькнули, они оценили пассаж в адрес бояра. Оценили и запомнили, и не преминут использовать в подходящий момент.

– Я сейчас сбегаю, – подорвался по привычке царевич.

– Куда? – остановила его невеста. После чего подняла колокольчик и позвонила. Через несколько секунд в горницу вошел слуга. – Князь Константин уже прибыл?

– Да, царевна, – с поклоном отвечивал слуга.

– Передайте, что ждем мы его на совет, – попросила девушка.

Слуга вновь поклонился, после чего молча вышел и отправился исполнять поручение.

– Лихо вы их выстроили, – заметила Арина Романовна.

– Это Настенькина заслуга, – улыбнулась Марфа Матвеевна.

Яга покачала головой. Василиса же ничем не выдала своего удивления. Да и чему удивляться. Склонность к порядку невеста царевича впитала с молоком кормилицы. Спорить с ней себе дороже выходило. Коли боярам объяснила, кто кому кланяться должен, то о слугах и говорить нечего. Те быстро новые правила усвоили на радость царской семьи. Кого что не устраивало – тех не держали, а новые люди уже по новым правилам работали.

Кощей появился быстро. То ли бегом бежали за ним, то ли рядом оказался. Вошел, встретился взглядом с Василисой, и замер. Пришлось Елизару Елисеевичу кашель изображать, чтобы его верный человек отмер да приветствовал царскую семью как подобает. Нянька нахмурилась, бросив взгляд на воспитанника, но тот лишь коротко кивнул. Мол, в порядке все. Уточнять, что там у них за дела свои, никто не стал. Царь сразу проблему обозначил.

– Думаю, не секрет для вас, что пришли в Гордец люди странные. Призывают к вере новой, о боге каком-то толкуют. Да только определенного ничего не говорят, все больше запу-

гивают. Со жрецами я вчера потолковал, с патриархом встретился. Да только никто из них ничего толкового сказать не может. Обещали нынче к покровителям своим обратиться, а патриарх всю ночь молиться собирался со всем клиром, чтобы указали нам, откуда опасность эту ждать. Но пока никто не доложил. То ли молятся еще али жертвы приносят, то ли и богам самим ничего пока не ведомо. Вот и хочу я понять, можно ли на них управу какую найти, или так и будут по городу ходить, людям сон тревожить. Можно было бы всех выловить и в темницу отправить, но не хочу раньше времени ссоры с богами незнакомыми заводить.

– Управу – не управу, а научить не гундосить в неурочное время можно, – первой заговорила Василиса, хотя по традиции начинать обсуждения от колдунов должен был Кощей. – По улочке моей двое уже прошли, на каждого проклятье наложила. Проклятья не страшные, но неприятные. Жить будут, а вот проповедовать не получится.

– Это какие такие проклятья? – подобрался Костя. – Ты что, с ума сошла. Мы даже не знаем, с кем дело имеем, а ты уже проклятьями направо и налево сыплешь.

– Да говорю же, не опасные. Один проикается скоро, а второй горло лечить медом должен. Если и разгневется этот бог, то все равно не сможет ничего страшного в ответ предпринять, – Василиса старалась сохранять спокойствие. Все-таки сама царя-батюшку уверяла, что она человек взрослый.

– Это мы пока не знаем, какой бог на Московию позарился. Может, он обидчивый, и за любой вред его жрецам так разгневется, что город с лица земли сотрет.

Василиса только пожалала плечами. Коли бог импортный города стирает, тут и своя чисть и нечисть в борьбу должна вступать, а не ждать, чем дело кончится. Им же самим потом хуже станет. С бубнам плясать будет некому. Но девушка решила воздержаться от подобных комментариев. Все-таки совет у них важный, а не болтовня праздная.

– Вы, молодежь, спорить подождите, – вмешалась Яга. – Оба вы правы, но оба и не правы. Позволить неизвестным людям прочить в городе мы пока не можем. Хоть что тут думай, а итог один – наберет бог неведомый силу, коли жители Московии к нему потянутся. Сначала понять надобно, что это за бог такой, чем нам его внимание грозит, а потом уже думать, как бороться с ним.

– Сдается мне, ничем хорошим, – вздохнула Василиса, вспомнив, как испугался заголовившего на улице пророка попугай.

– И как вы, нянюшка, предлагаете вызнать все? – Костя явно демонстрировал неодобрение, особенно, когда речь заходила о важных для него женщинах.

– Так заслать к ним кого надо, чтобы разведал все, – предложила царевна Анастасия. – Пусть он там побудет, якобы верою интересуется новой, а потом все нам расскажет.

– Того, кого не сильно жалко, – уточнил царевич. – А то мало ли, в самом деле, уверует, и после откажется помогать нам.

«Марфу, – подумала Василиса, – тезку царицы. Чтобы не портила жизнь людям. А то прижилась на колдовском подворье, главной стать пытается. Коли главная, командовать пытаешься, докажи свое право на то, послужи стране родной, как люди, с которыми живешь, служат».

Разумеется, вслух девушка ничего не сказала. Негоже ревность свою показывать. И вообще, ничего у них с Кошеем общего нет боле. Она его спасла, он ей помог, а теперь квиты. Если что и было после, так временное помрачение разума. Слишком все хорошо шло, вот Вася и расслабилась. Зря. Ну да ничего, впредь умнее будет. Доверять только родителя можно, а коли нет их, то и вовсе никому.

– Сам пойду, – хмуро посмотрев на жениха с невестой, произнес Кощей. – Нечего людей отправлять неизвестно куда да на что.

– Никто никуда не пойдет, – решил остановить споры царь. – Для начала приглашу пару проповедников на беседу. Понятно, не я один присутствовать буду. Бояр позову из смирных,

патриарха, жрецов. Пусть нам расскажут, чем новый бог лучше остальных. Мол, хотим мы, люди первые в государстве, свет истины узреть. Коли по нраву нам придется, первыми от прежних богов откажемся, да в новую веру перейдем. А ежели не убедят нас, то народу еще сложнее что-то доказать будет.

– Ты, царь батюшка, позволь поинтересоваться, – елеиный голос Яги мог обмануть кого угодно, только не присутствовавших в помещении, – коли ты решил все, зачем нас собрал здесь?

– Надобно мне, Арина Романовна, Константин, чтобы чары вы охранные наложили на зал, где встреча проходить будет, дабы колдовством своим не могли гости странные разум наш смутить. Да на встрече этой просил бы я Василису присутствовать. Все-таки она из иного мира пришла, сможет заметить то, что мы пропустим.

– Понятно, – хмыкнула девушка, – а как я вам сигналы подавать буду, если что-то не то они говорить начинают?

– Да придумаем. Хотя бы у самовара посадим тебя с рукоделием. Если что-то не то гости заморские вещать начнут, будешь ронять или клубок, или спицу, или иглу. Ну да знаки мы перед встречей обговорим.

– Дозволь, государь, и мне на встрече присутствовать, – попросил Кощей. – Титул мой княжеский позволяет. А коли колдовать они попытаются, я сразу почую и защитит смогу. Это куда лучше, чем одними чарами комнату укрыть.

В итоге состав делегации расширился еще на одного представителя. Царевича же, рвавшегося присутствовать, отговорили. Мало ли что не так пойдет, кто страной управлять будет. Пусть он мал еще, но бояр скрутить с помощью невесты сможет. На том и порешили.

После совета царь попросил Костю задержаться для обсуждения этого вопроса в думе боярской. Заодно посоветоваться, кого из бояр лучше будет пригласить на встречу со жрецами. Пользуясь этим моментом, Василиса сбежала. И так nepозволительно долго в обществе коще-евом находилась. Кажется, скажи он слово ласковое, и простила бы. Нет, в терем бы не вернулась, но к себе пустила. Да только надо ли оно ей? Сразу бабка Матрена сплетни распустит о бесстыжих колдунах. А если что с бабой той да малышом случится, сразу обвинит в наведении порчи, сглазе, проклятье, или что еще в голову старческую маразматическую придет. Так что девушка благополучно покинула царское подворье и отправилась прогуляться да на рынок заглянуть, проповедников послушать.

Вот зря, зря она бабу Матрену вспоминала. Не успела девушка повернуть за угол, как услышала ее голос.

– Милок, вот растолкуй ты мне, старой, а как бог твой к людям в возрасте относиться указывает. А то дети родителей не почитают, бросают на произвол, от соседей помощи не допросишься. Вот и интересно мне, как в вашей вере этот вопрос освещается.

Василиса поморщилась. От нее уже половина города нахваталась словечек. Вроде и следит за своим языком, а все равно нет-нет, да и вырвется что-то. Но это не так важно. Куда интереснее посмотреть, кого это пытается бабка Матрена.

Осторожно выглянув из-за забора, девушка обнаружила, что жертвой излишне энергичной старушки стал один из жрецов, оказавшись зажатым между забором и грудью щуплой старушки. Вот только выражение лица мужчины свидетельствовало, что эта самая щуплая старушка сейчас для него много страшнее всех богов вместе взятых.

– Убить всех, – наконец, провыл он, к радости собравшихся зевак. Поскольку толпа состояла в основном из людей среднего возраста и молодежи, возглас встретили одобрительными улыбками. Между тем жрец продолжил свое завывание. – Кто сам себя содержать не может, за чужой счет живет, немощных, убогих, дряхлых, всех на алтарь принести во славу божию! Кто ленится, отказывается трудиться, или стремится за счет других жизнь свою облегчить, взойти на алтарь должен во славу божию....

– Ах ты ж ирод, – взывала бабка Матрена, едва до нее дошло, какая участь уготована ей, главной любительнице сплетничать и совать свой нос туда, куда не просят, и явно не согласная с подобным раскладом, – ах ты нехристь, ничего святого нет. Да я к патриарху пойду с жалобой. Он тебе покажет, он тебя научит бабушку уважать!

Жрец испуганно озирался, в надежде на помощь от зрителей, но люди не спешили отнимать законную добычу у бабки. Еще неизвестно, кому потом больше достанется, самому виновнику бабкиного гнева или его спасителю. Помощь пришла, откуда не ждали. Под ногами задрожала земля, а на улицу, осторожно обогнув здание небольшой церквушки, повернул Горыныч.

– Бабушка, – пискнула левая голова, – а что ты такое делаешь?

– Ой, жрец, – обрадовалась левая.

Средняя пока молчала, заметив на другой стороны улицы Василису. Две другие внимательно разглядывали каждая свой объект. Жрец икнул, после чего свел глаза к переносице и плавно сполз по забору, уходя в спасительный обморок.

– А, шатаешься по улицам, вместо того, чтобы делом заниматься, – переключилась Матрена на новое действующее лицо. – Нет, чтобы иродов всяких огнем жечь, он гулять вздумал.

Вот только Горыныч уже знал, как поступить в данной ситуации. Средняя голова вытянулась, якобы рассматривая что-то в паре кварталов отсюда, после чего молвила:

– Ой, никак на Гончарной драка начинается.

– Драка, – встрепенулась главная сплетница Городца, после чего посеменила в сторону указанной улицы.

Остальные зрители допроса жреца тоже стали расходиться.

– Пять лет этот способ применяю, а все действует, – сообщила Василисе средняя голова. – А до того чего только не пробовали.

– И игнорировать пытались, – пожаловалась левая.

– И ругаться, – вздохнула правая.

– Так это ж наоборот, самое оно для таких людей, – заметила девушка. – Игнорируешь – старших не уважаешь, ругаешься – так она вообще душеньку отводит. Зато стоит внимание на что-то интересное переключить, и ты ей не нужен. Главное, чтобы это интересное подальше было. Пока добежит, все и закончилось.

– Вот-вот. Потому на Гончарную и послали, – закивали головы.

– А с этим что будем делать? – вспомнила девушка о жреце.

– Пусть лежит, – решила правая.

– Скоро тут тенечек будет, – прикинула средняя.

– Убивец, – пискнула левая.

Василиса предпочла оставить последнее замечание без внимания. И без того понятно, ничего хорошего от таких богов ждать не стоит. Нет, если бы нужна была всего одна жертва, все жители Городца дружно принесли бы ему бабку Матрену, как самое уникальное, что у них было. Но одной бабкой явно не отделаешься.

– А ты шла-то куда, – поинтересовался Горыныч, когда они подходили к очередному перекрестку.

– На рынок хотела сходить, послушать, чего еще нам завывать будут, – призналась девушка.

– Ты это, осторожнее будь. А то я встречал таких проповедников, как начнут говорить, так ты и выполнишь все, что требуют, – предупредил девушку Змей. – Мне ж потом Костя головы в косичку заплетет, да хвостом на бантик завяжет.

Последнее заявление было встречено фырканьем, призванным замаскировать смех. Не получилось. Вскоре они весело смеялись, представляя нарисованную Горынычем картину. Так и дошли до рынка. Там приятели распрощались, Вася отправилась покупки делать да жрецов слушать, а Змея ждали в монастыре Сретенском, готовили представление к юбилею патриарха.

– Покайтесь во грехах ваших, ибо грядет явление нового Бога! – очередной жрец устроился рядом с воротами, взывая к проходящим мимо слушателям. Судя по испачканному плащу, в него уже кинули несколькими яйцами и горстью квашеной капусты. Пусть спасибо скажет, что легко отделался. Его приятелям накануне повезло куда меньше. Если только их бог не снял проклятья начинающей ведьмы. – Покайтесь, принесите жертвы богатые, щедрые, кровавые, дабы избежать его гнева.

Девушка присмотрела лавочку рядом с небольшой лавкой, то ли прикрытой на обед, то ли ее хозяин решил себе выходной устроить. Устроившись там, Василиса вытащила из сумки бумагу, карандаши и принялась рисовать и слушать все, что вещал странный тип.

Довольно быстро изображение жреца появилось на бумаге, после чего художница дала волю фантазии и принялась делать фон. В языках огня мелькали обнаженные фигуры людей, извивались змеи, сплетаясь между собой.

– Вот ведь мерзость, – подумалось девушке, а рука продолжала вырисовывать мелкие штрихи. Надо было показать рисунок Яге. Та уже предупреждала ученицу, что сила колдовская не всегда будет ей ответы через карты или иное гаданье давать. Иногда и в рисунках будет ответ зашифрован. Пусть на этот раз вопроса никто не задавал, он все равно висел в воздухе – что за бог и чего от него ждать.

Убрав в папку один рисунок, девушка принялась за новую картину.

Когда и на третьем листе проступило нечто невообразимое в своей отвратительности, притом, что проповедник ничего не сказал, Василиса сложила все в сумку. Стоило, наверное, задать пару вопросов, чтобы во время большого совета знать больше. Опять же, вопросы эти вряд ли кто задаст, просто потому, что для Городца оно не важно, а вот маленькой бабе Яге это знание необходимо. Или подтверждение, что знание секретное. Общаться со жрецом не хотелось, но выбора не было.

– Прошу прощения, – пролепетала она, скромно остановившись на почтительном расстоянии от проповедника. – Я вас слушала, слушала, но возникло у меня несколько вопросов. Может, вы поможете мне и проясните их?

Жрец неведомого бога повернулся и принялся внимательно рассматривать девушку. Вроде ничего особенного – синий ситцевый сарафан, белая рубаха с вышивкой по вороту и рукавам. Стоит, суму в руках сжимает, смотрит доверчиво. Глазки карие доверчивые, и помаргивает так, что от ресничек глаз не отвести. Ротик чуть приоткрыт, но не призывно, а как у детей от любопытства бывает. Сколько этой глупышке – лет восемнадцать самое большее. А то и шестнадцать. Не так давно заневестилась. А туда же, бога нового подавай. Вот такие потом активнее всего религию продвигают.

– И что же у тебя за вопросы возникли, – уже без всяких завываний поинтересовался мужчина. Поинтересовался, словно с ребенком говорит. Василиса мысленно посмеялась. Ну и пусть что хочет, то и думает. Хотя, голос приятным оказался, когда говорит нормально. Но не о том она думает, сейчас о деле надобно.

– Да вот, господине, – девушка специально замешкалась, якобы подбирая, как лучше к жрецу обратиться, – интересно мне, а как этот бог выглядит? Вот иудеи и мусульмане своего бога не изображают, христиане изображают, но одним воплощением, древние боги имеют четкий внешний вид. А ваш какой?

Жрец вновь смерил девушку взглядом. Что ж, с первым вопросом он ошибся. Обычно девушки такого возраста задают его третьим или четвертым. То ли первые вопросы «А насколько могуч ваш бог?», «А что он может?» – всего лишь ширма для этого самого, то ли эту потенциальную прихожанку волнует сначала внешность, а потом все остальное.

– У него нет какой-то одной внешности, – заговорил жрец, и было понятно, что речь эта готовилась заранее. – Он всегда принимает тот вид, который больше нравится тому или иному человеку. Кому-то он придет в образе большого лохматого пса, к кому-то в виде маленького котенка, а перед кем-то птицей диковинной обернется.

– А в виде прекрасного юноши? – девушка потупилась. Жаль, покраснеть на заказ не получается, ну да что делать. Хотя, щеки-то жаром опалило. Может, и румянец проступил. Хорошо бы.

– Ежели очень сильно захочешь, можно и в образе юноши, – согласился с нею жрец. – Вот тебе какие мужчины нравятся?

– Ну... – настал черед девушки озадачивать мужчину. И ладно, пусть думает, что у нее с головой не все в порядке, или что она извращенка, но она опишет им человека, которого ей подsunуть при всем желании не смогут, потому что актер Дени де Вито еще не родился, и не известно, родиться ли вообще. Пусть описание будет и сильно приблизительным, им и этого хватит. – Невысокие, может, с меня ростом или чуть ниже. Люблю быть выше, особенно, когда по осени сапожки да на каблуках. Полных. Они хорошо кушают, а я люблю разные кушанья придумывать. Лысоватого – говорят, они умные. Может погуливать, но всегда назад приходит пусть. Чтобы талантливым балагуром был. А то у меня настроение портится часто, а он меня веселить будет. А, чтобы старше меня раза в два был, не меньше. Взрослые мужчины – опытные.

– Хм... – жрец смотрел на девушку несколько недоверчиво. Странная она. Может, на голову больная.

– Ну вот, – нарочито разочаровано протянула Вася, – так и знала, что этого ваш бог не может.

После чего, оставив жреца обдумывать, что же он только что услышал, повернулась и отправилась в сторону дома. Благо на этот раз бабка Матрена на пути не встретилась.

Глава 2

– Да, дела, – протянула Яга, откладывая в сторону рисунки Василисы. – А этот твой Кеша, уверена, что через него до тебя не доберутся.

– Кеша хороший, Кеша хороший, – раздалось из новой большой клетки. Попугаю потребовалось несколько часов, чтобы заучить эту фразу, особенно, когда после давали полюбившиеся ему семечки подсолнечника. – Кеша хороший, хороший, хороший!

– Да хороший, хороший, – улыбнулась Василиса, подсыпая немного семечек.

Яга только покачала головой. И что за ученица ей досталась. Ладно, из другого мира к ним попала. В мужской одежде шастает, скоро и в город будет так выходить. Авторитетов не признает практически, спорит, если что-то не устраивает, даже с самим царем. Самостоятельная не в меру, живет одна, не скрываясь, и живет неплохо, надо сказать. Уважения определенного добилась, бабу Матрену быстро ставит на место. Такое у единиц получается. Теперь вот питомца завела – попугая. У нормальной колдуньи коты, совы, вороны. А тут попугай. Да еще дар ее не по картам предсказывать или иными способами, а по картинкам. А главное, долго думать не надо, что в будущем ждет. Вон со жрецами картинки яснее ясного показывают – не все чисто с богом их. Ну или со служителями его.

Арина Романовна придвинула к себе картинки с попугаем. Василиса за седмицу успела несколько сделать. На первых еще была какая-то несуразица, а вот на последних – просто птичка в клетке сидит. Разве что клетка не в этой избушке находится, но Яга промолчала благоразумно, что Вася фоном кощеевы хоромы изобразила. Ну, да и не ее это дело. Сами разберутся, не маленькие уже. Девушку тоже понять можно – явилась баба непонятная, да еще и с дитем, и мало того, что явилась, мужчина твой ее к себе в дом привел. И двум-то хозяевам ужиться не просто, Яга и сама бы куда ушла, только избушку попробуй, растолкай, а коли их трое в доме? То-то и оно.

– Как думаешь, отговорить нам царя-батюшку от общения с этими иродами? – кивнула на картинки старшая колдунья.

– Думаю, стоит все-таки принять их, – тоже посмотрев свои рисунки, решила Василиса. – Костя там будет, да мы с вами за ширмами. Я нее просто так там сидеть с вязанием решила, а рисовать буду. Может, удастся ответ какой получить, помимо того, что скажут, или между слов услышу. А коли надобно будет, могу карандаш ронять да шумно за ним добираться, – решила девушка. И чем больше чушь нести станут, тем больше шуметь буду.

На том и порешили. А через день у царя совет собрался, Елизар Елисеевич еще раз решил побеседовать с теми, кого на беседе со жрецами странными видеть желает. Помимо Кощея, Яги и Василисы пришли от религиозных деятелей патриарх с одним архиереем да жрецы Перуна и Мораны. Из бояр четверо молодых пригласили – сын боярина Хвостова, который уже несколько собраний вместо отца расхворавшегося был, да бояре Головин, Рукавицын и Мохнаткин. Кроме них еще воеводу позвали да двух купцов. Да послы немецкий да англицкий желание изволили сие собрание посетить, потому как проповедников все слышали, и в посольской общине знать желают, что это такое твориться. Да пара писцов официальных в уголке при входе.

Кощей первым делом палату, в которой гостей заморских привечать думали, осмотрел, все углы обошел, в каждом что-то пошептал, посыпал солью да землей. Потом патриарх и жрецы богам своим молитвы вознесли, просили уберечь тех, кто в помещении этом с людьми заезжими беседовать будет от зла чужеземного, неведомого. Под конец и две Яги силу свою приложили. Старшая что-то долго травами окуривала, бормотала да пришептывала. Младшая же вышла на середину зала, глаза закрыла, раскинула в стороны руки, силясь почувствовать

все помещение. А когда поймала отголоски силы других людей, да почувствовала, что молитвы услышаны, а колдовство силу набирает, произнесла:

– И пусть тот, кто зло замыслит супротив собравшихся здесь, голоса на седмицу лишится. Кто околдовать попытается – на месяц охрипнет. Кто иными способами подчинить людей восхочет, сам неприкаянным по городу метаться будет. Слово мое крепко, сила моя молодая, дури в ней много, значит, так тому и быть, – после чего топнула ногой.

На миг все наполнилось легким маревом, но почти сразу прошло. Лишь на мгновение людям показалось, что туман сгустился, но нет, нормально все. Колдовство вкупе с молитвами должны были защитить первых людей государства от возможных бед.

Яга лишь головой покачала. Не дело так перед посторонними демонстрировать свое отличие. Могут и смекнуть, чего не надобно. Ладно, патриарх и жрецы, тем боги и сами могли все рассказать. А вот боярам лишнее знать не стоит. Отцы, может, и не заметят, своей важностью упиваясь, а молодые приметливые. Той самой дури у них меньше, желание показать себя присутствует, они и будут стараться. Тише надо было, но что уж. Впрочем, бояре ничего не заметили, что-то весьма активно обсуждая с приглашенными торговцами. Не иначе свои дела решить старались, моментом пользуясь.

Кощей хотел, было, подойти к девушке, но взгляд нянюшки его остановил. Не лезь, словно бы говорил он. Костя послушался. А потом понял, что ему нечего сказать. Каждый творит колдовство по-своему. Кому-то надо долго выплетать заклинания, использовать разные подручные средства, а кому-то достаточно просто хлопнуть в ладоши. И нет того универсального способа, который подошел бы абсолютно всем. Раз эти слова пришли в голову девушке, значит, именно они и нужны были. Главное, что ее колдовство подействовало. Кто знает, чья волшебба окажется сильнее завтра.

Когда палаты были зачарованы от возможного вреда для первых людей Московии, началось и само совещание. Царь внимательно выслушивал каждого, понимая, что сейчас не время для разборок, кто главный. Мало ли в чью голову мысль умная придет. Василиса и еще один писец записывали принятые решения, чтобы потом не было споров, что и по какому вопросу они решили. Царский писец часто отставал, сбивался, просил повторить. В какой-то момент махнули рукой и отправили его из палат.

Обсуждение пошло бойчее. Не приходилось останавливаться, чтобы подождать, когда же очередной вопрос будет занесен на бумагу. Мужчины только косились в сторону Василисы, которая не только записывать успевала, но и идеи предлагать.

– Узнать надобно, откуда они произошли, – предлагал один из торговцев, – да про те края подробно расспросить: чем богаты, а в чем нуждаются.

«Откуда, – кратко записывала Вася, – остальное не важно».

– Почему в Московию пришли, – вопрошали бояре разве что не хором.

– Имя у бога ихнего есть или как? – интересовался жрец Перуна.

Василиса сделала себе очередную пометку. Люди кричали, спорили, даже Елизар Елисеевич предпочитал сейчас молчать, только подмечал, как девушка то и дело что-то записывала, и мысленно старался понять, что из только услышанного она сочла необходимым. Скорее всего, то же самое, что и ему подумалось. В этом плане он мог юной Яге полностью доверять. Опять же, она из будущего, пусть и несколько отличного от этого, но столкнуться там колдунье довелось со многим. В любом случае, она уже показала, что будет умнее многих бояр.

Наконец, споры стихли. Кто-то успел все сказать, а кто-то просто охрип. Царь стукнул скипетром по полу.

– Накричались, – сурово спросил он. – Теперь угомнитесь. Василиса, свет Ивановна, какими вопросами завтра жрецов озадачивать будем?

Девушка прокашлялась и начала зачитывать свой список.

– Перво-наперво выяснить надобно, каково прозвание бога неведомого, да откуда жрецы его к нам прибыли. После узнать, чем бог неведомый сторонников своих наградить может, каковы кары его, какие жертвы приносить надобно. Что самим жрецам потребуется: жилье, пища особая, прочие их потребности. Ну и что они с прежними богами, их служителями и храмами делать собираются. Вроде, ничего не забыла, батюшка Елизар Елисеевич.

Все переглянулись удивленно. Спорили долго, а девица-колдунья коротко да точно все изложила.

– Все запомнили? – Елизар Елисеевич грозно сдвинул брови и стукнул по полу скипетром. – А кто будет поперед царя выступать, бранить жрецов бога неведомого, али еще как недостойно себя поведет – отправлю на Урал соль промышлять.

Угроза была серьезной. Условия жизни на солеварнях были далеки от привычных боярам да купцам. Соль коркой оседает на одежде, теле, всех вещах. Не говоря о том, что жить придется явно не в уютных хоромах со слугами. Наверное, только колдунам она не была страшна. Остальные же присмирели.

– Царь батюшка, кормилец, – первым обрел возможность говорить сын боярина Хвостова. – Да как же так, поперек всем устоям ты сам речи молвить будешь? Не гоже то, традиции вековые...

– Молчать! – рявкнул на него Елизар Елисеевич. – Вот потому сам и буду волю свою обсказывать, что вы наговорите. Как начнете вопрос задавать, так до ночи не закончите. Ваше дело – рядом стоять да головами кивать согласно. Коли не устраивает – других поставлю. Хоть дружину в шубы боярские обряжу. От них всяко проку больше будет. А вас уволю.

Последнее слово произвело наибольшее впечатление. Угроза угрозой, было и такое, что дружину переодевали, когда ситуация требовала. Неведомое же «уволю» страшило. Мысли о том, что может царь приказать сотворить, вселяли ужас. Как после такого домой вернуться. Да и получится вернуться ли после этого «уволю». Дали бы уж с родителями проститься. Бояре и купцы дружно повалились на колени.

– Не вели казнить, государь батюшка. Не увольняй, а коли так решишь, дозволю с семьями проститься.

Василиса смотрела на это и с трудом сдерживала смех. Даже царю было весело. Но он держал лицо. Мало ли, как бояре отнесутся. А ну как решат, что царь не по-людски поступать начал и устроят ему революцию. Им только этой напасти не хватало в дополнение к жрецам. Нет уж, с боярами он будет действовать лаской да пряником, но постепенно отстранит от важных дел. Служилых людей возвысит, жаловать за службу начнет, а не за древность рода. А то мало ли кому что в голову придет, вдруг найдутся такие, кто род свой ведет от древних правителей. Только раскола в государстве не хватало. Нет уж, послушал рассказы Василисы, теперь знает, как ему действовать. Да и раньше в верном направлении двигался, только осторожничал. Сейчас же понял, как оно лучше будет. Понятно, не все от соседей перенимать стоит, костюмы да бороды могут оставаться, в прочем же есть чему поучиться.

Когда воспитание бояр закончилось, и царь отпустил тех, кто будет изображать его свиту, настала очередь колдунов да священнослужителей свое мнение высказывать.

– Защиту мы поставили, – заговорил Кощей. – Обещать ничего не буду, но должна она продержаться, если бог их не рискнет вмешаться.

– Боги наши помощь обещали, – заговорил жрец Перуна. – И не только мой покровитель да Морана, но и все остальные. Понимают, что всех служителей собрать сложно, и без того мы долго выбирали, кому присутствовать. Но и им знать хочется, кто их потеснить решился.

– И мне ответ был, что присмотрят за нами да от зла оградить попытаются, – молвил патриарх, любовно поглаживая свой посох. – А остальное уже в наших руках.

Василиса постаралась сдерживать смех. Святому отцу куда больше подошло находиться во главе дружины. Обряды его в доспех да дай копьё вместо посоха, и все враги разбегутся, едва завидев такого воина.

– А ты не смейся, – зашептала ей на ухо Яга. – Наш Феофил в молодости в дружине служил, до сотника дослужился. В кулачных боях ему равных не было. А потом горе в семью пришло – от болезни родители да жена скончались. Остался с двумя малыми детьми. Вот и ушел в обитель, потому что там и мальчиков помогут на ноги поставить, и самому легче будет. Сынки его теперь сами сотнями командуют. А батюшка наш души людские врачует. Ни кому еще не отказал в утешении.

Девушка только кивнула. Не зря ее рука тянулась изобразить патриарха воином. Собственно, вспомнив о своих художествах, она поспешила продемонстрировать рисунки, сделанные на базаре.

– Не думаю я, что стоит ждать от этих переговоров добра, – заговорила юная колдунья, доставая изображения. – Давеча решила я на базаре жреца послушать, может, услышу что важное, да своим даром решила воспользоваться. Вот что вышло из этого.

Елизар Елисеевич только взглянул на рисунки, после чего передал их дальше. Священнослужители поспешили внимательно изучить изображение, но ничего ясного увидеть не смогли. Патриарх только пробормотал что-то о геенне огненной, но подобные ассоциации были у всех. Костя тоже не смог сказать ничего определенного.

– Что ж, – вздохнул царь, – раз понятно нам, что ничего понятного нет, то будем завтра осторожны. Ты, Василиса, сиди и рисуй. Да Яге подавай знак, когда надо пошуметь немного. Если надобно что, говори сразу. Я распоряжения отдам.

– Не беспокойтесь, царь-батюшка, я с мастерами уже договорилась. Им моя техника рисования интересна, так что они в обмен меня всем нужным обеспечивают. Давайте лучше о сигналах условимся.

После недолгих переговоров решили, что легкое покашливание – значит, пытаются жрецы юлить. Коли ложечка по блюду постукивает – обманывают не скрываясь, а если посуда на пол сыпаться начала – переговоры сворачивать надобно. Все мелочи обговорили, но, поскольку всего не предусмотреть, то решили, если что-то не то, о чем договориться не успели, происходит, или чашку громко на стол поставят, или просто по столу постучат.

– А если карандаши на пол посыпались – у меня руки-крюки, – сделала последнее замечание Василиса, после чего обсуждение закончилось.

Боярам сигналы было решено донести утром. Вдруг еще что вспомнится. Но то уже сама Василиса думать будет. Собственно, девушке было времени до утра, чтобы обозначить все опасности, что могли их подстергать.

После этих переговоров Елизар Елисеевич отправил слуг к жрецам с приглашением на переговоры, кои на следующий день в полдень состояться должны в палата царских. Участникам же велено было за два часа явиться, чтобы все в последний раз обговорить да в помещении разместиться.

На следующий день царское подворье гудело. Бояре явились все, столпились на дворе и чего-то ждали. В палаты их не пускали, кроме тех, кто должен был царскую свиту представлять. Даже захворавшего боярина Хвостова привезли. Тот возлежал в повозке и что-то вещал, то и дело взмахивая посохом. Люди сторонились его от греха подальше, а ну как получат в лоб золоченым набалдашником. Боярин серчал, кричал громче, брызгал слюной, а взмахи посохом становились все чаще и чаще. Торговцев не было, разве что несколько лоточников предлагали пироги, квас или семечки с орехами на площади в виду царского терема. Зато священнослужители пришли все. Те, кому выпало участвовать в беседе, прошли в покои, а остальные выстроились возле крыльца и принялись читать молитвы. Жрецы старых богов стояли ближе

к ступеням, за ними – православные священники, католический, муфтий, раввин и даже пара экзотических служителей то ли Будды, то ли Кришны и даосский монах, неизвестно как забредшие в Московию. Их тоже попросили присутствовать и вознести молитвы тем, кому верят. Узнав причину такой просьбы, монахи согласились.

Колдуны вошли на двор единым строем. В центре Яга, справа от нее – Кощей, слева – Василиса. Прежде чем войти в царские палаты, они подошли к священнослужителям и попросили у них благословения. Пусть боги помогут, коли жрецы с недобрыми мыслями и таким же богом прибыли. Только после этого отправились они в отведенные для встречи покои.

Покои за ночь подготовили основательно. Помимо ширмы за которой поставили стол с самоваром и пирожками для колдуний, скамеек по обе стороны трона для свиты и пары табуретов жрецам, подготовили и засаду. В соседней комнатке разместили стрельцов. В стене осторожно выпилили отверстия и до поры замаскировали их. За ширмой над самоваром висела веревка, которая сквозь одно такое отверстие уходила к комнатке к стрельцам и соединялась там с подвешенными к потолку колокольчиками. Если что-то пойдет совсем не так, женщины должны были дернуть за веревку. Стрельцы, услышав звон, выбивали заглушки со своей стороны и стреляли в жрецов. Задачей Кощей было беречь царя. Женщины находились в стороне, куда выстрелы бы не достали. А вот в случае опасности Елизару Елисеевичу могло не поздоровиться. Бояр, купцов и даже патриарха решено было не жалеть. Впрочем, расставили всех так, что жрецы размещались ближе к ширме, а бояре дальше от нее.

Воевода лично побеседовал и со священнослужителями, объяснив, что делать, коли из стены дула пищалей появятся. И с царем долго разговаривал, чтобы тот, в случае опасности не гнушался за тронем укрыться. Константину и вовсе лекцию прочитали. Бояр да купцов просто предупредили, что в случае пальбы на пол падать надобно. Василиса и Яга лишь посмеивались на их лица глядячи. Как же так, важные люди, да кафтанам пыль собирать. Но ведь упадут, коли жить охота.

Последними приготовлениями с трудом в два часа уложились. Василиса едва успела обозначить сигналы, несколько раз повторив, что обман пошел, когда звон посуды. А если карандаш укатился – ничего страшного. Бояре молодые только позубоскалили по поводу дырявых рук. Елизар Елисеевич хотел им слово емкое да не сильно доброе молвить, но не успел – жрецы явились.

Жрецов в палаты сам воевода провожал, подручными выбрав пятерку толковых сотников. Не доверял больше никому. Едва Василиса и Яга за ширмой скрылись, да в соседней комнатке колокольчик заглушили, распахнулись двери залы приемной и вошел первым Козьма Сильч. Поклонился до земли царю-батюшке, после провозгласил:

– Жрецы заморские, богу неведомому поклоняющиеся, по вашему приказанию для беседы государственной важности прибыли.

– Проси, – коротко велел Елизар Елисеевич.

Воевода отошел к стене и встал, как обычно охрана стоит, в помещение прошли два сотника, и заняли места по другую сторону входа. После внутрь вошли три облаченных в черные одежды жреца, за ними еще трое сотников. Один шагнул к товарищам, двое других заняли места подле воеводы. Гости поежились, то ли оттого, что охрана не покинула помещение, то ли защитную волшбу почувствовали.

– А и доброго дня, гости дорогие. Проходите, устраивайтесь, поговорим с вами, потолкуем о вопросах религиозных, – показал на стоящую напротив трона лавку царь. – Вот собрались мы с мужами моими пусть не первейшими, но теми, кто к новым идеям восприимчив, да решили, надобно разузнать, что за божество на землю нашу нацелилось, чего нам от него ждать: добра али худа, помощи али помех. Токмо вы и сможете на вопросы наши дать ответы.

Пока жрецы устраивались, повисло молчание. Шорох из-за ширмы настораживал, но боярин Хвостов младший поспешил успокоить косившихся в ту сторону жрецов.

– Вы уж не обессудьте, гости дорогие, посадили мы писарей своих, мало ли слово какое важное упустим, они все запишут, и мы потом прочитаем, да упомянем, что вы нам тут вещали. А то каждый о своем интересе печется, что ему важно – услышит, а остальное мимо ушей и пропустит.

Василиса подивилась, как легко сын боярский успокоил гостей. Они с Ягой переглянулись, и та покачала головой. Да, нелегко будет Елизару Елисеевичу, когда сын отца сменит. Тот недалек, покричать любит, внимание к себе привлечь. Сын же умен. И, возможно, хитер. Присмотреться к нему надо будет. Женщина показала ученице на карандаши, потом подобие боярской шапки изобразила, мол, нарисуй боярина. Василиса покивала, потом руками развела – как время будет. На том разговор закончился. Девушка осторожно разгладила первый лист бумаги, взяла карандаш и принялась за работу.

Прибывшие поклонились царю, но не в пояс, как то принято было, а чуть склонив корпус и голову. Вроде как, и уважили, но и показали, что им негоже склоняться подобострастно, разве что перед богом своим. После величаво опустились на предоставленную им лавку. Если Елизару Елисеевичу такое поведение гостей не понравилось, виду он не подал. Священнослужители проследили за гостями со снисходительным выражением на лицах. Бояре да купцы не сдержались и поморщились. Константин же вовсе не смотрел на прибывших. Он пользовался сейчас колдовским зрением, изучая то, что можно было при помощи волшбы. Глаза обмануть могут, чары же хоть немного, да помогут.

Повисло молчание. Гости восседали на скамье, но опытный царский глаз видел, что они нервничают. То ли что-то не так шло, то ли просто не приходилось перед таким обществом проповеди вести. Они пытались это скрыть под капюшонами, но все равно прорывалось в чуть более резких движениях, посадке, осторожных переглядываниях, если так можно было назвать попытку увидеть друг друга из-под глубоких надвинутых капюшонов.

– Так что, гости дорогие, – промариновав какое-то время посетителей, заговорил царь, – расскажите нам о боге своем. Что он собой представляет, чего ждать нам, коли прежних богов отринем, да его примем.

Жрецы вновь переглянулись. Было видно, что они не ждали такого приема. Видимо, подозревали, что их на дыбе растянут и пытать начнут. А тут в парадную горницу провели, усадили, напротив бояре, купцы, жрецы местные по лавкам, царь на троне, а подле спинки вой неведомый в одетый не по местному обычаю, а в европейский костюм облаченный. И основную угрозу от него гости ощущали, да от писцов неведомых, что за ширмой притаились.

– Бог наш некогда был воином великим, правителем мудрым дальней страны, вам не ведомой, – начал рассказывать один из жрецов, – За годы своего правления сумел он достигнуть столь небывалой силы и славы, что вознесся на небеса, где вступил в схватку с прежними богами. Долго длился этот бой, и не было победителя ни с одной стороны. И тогда боги решили, что равен им по силе своей правитель. Тогда иначе решили испытать его. И начали вопросы задавать ему мудреные. И это испытание длилось долго, но на все вопросы правитель находил ответы. Наконец третье испытание уготовили ему – устроили пир, какого не возможно вообразить себе. Вино дождем лилось с небес на землю. Пили несколько дней, почти не закусывая, но и тут никто не смог одолеть правителя. Тогда боги решили, что раз он равен им во всем, то должен разделить с ними и силу их божественную. Но не долго длился лад в божественном мире. Вскоре оказалось, что новый бог не отвечает ни за что, но поручения ему дают все, кто только может. Тогда выступил он перед иными богами с просьбой, определить, за что он отвечать будет. Но никто не пожелал хоть немного своего влияния уступить. Завязалась на небесах новая битва. Длилась она без малого три года. Все это время извергались на земле вулканы, небо было покрыто пеплом, ураганы сдували постройки и ломали вековые

деревья. Богам нелегко пришлось, но изгнали они своего побратима. Долго он скитался по миру, потому как за время пребывания его на небесах королевство уже давно сгнуло в череде войн да под неумелым правлением потомков. Наконец, нашел он деревню, где люди разочаровались в прежних богах, поскольку те не отвечали на молитвы, и начал помогать им. Постепенно жители этой деревни подчинили себе соседей, создав сильное королевство. Но бог понимал, что одной силой он ничего не достигнет, а, поскольку был он еще и мудр, то начал учить избранных людей, дабы во главе королевства стояли мудрые жрецы. Постепенно все больше и больше людей проникалось новым учением, соседи склонили головы, признав верховенство новой власти. Правители начали рассылать нас, младших жрецов, по другим странам, готовить людей к пришествию нового порядка и нового бога.

Последние слова прозвучали с той же ноткой завывания, что так активно использовалась жрецами на улицах Городца. Василиса с трудом сдерживала улыбку. Слишком это было ей знакомо, Яга, заметив выражение лица девушки, осторожно помешала воду в чашке, чтобы звоном предупредить царя. Но и те, кто собрался жрецов выслушать, уже понимали, сколько в рассказанной им истории правды, а сколько вымысла, не очень веря в такую сказку.

– Что ж, – после старательно выдержанной паузы, молвил Елизар Елисеевич, – Историю вы нам занятную поведали, да только толком ничего не сказали. История бога вашего похвалы достойна, коли все это правда. Но нам-то интересно не прошлое, а настоящее да будущее. Во главе народа вашего мудрые жрецы стоят, да только в нашей стране народ хоть и уважает патриарха да других религий старейшин, но ниже всех мне, царю, кланяется. Для нашего народа одной мудрости мало, надобно, чтобы и род древним был, потому как мудры у нас все, через одного, а бабка Матрена наимудрейший во всей Московии человек. Кроме того, надобно, чтобы правитель все остальные религии уважал. Новые боги долго у нас приживаются, а вы требуете, чтобы все и сразу его признали. Да и прежние тоже могут недовольство свое проявлять. Не зря я пригласил на встречу нашу жрецов Перуна да Морены. Подтвердят они, что истину я вам глаголю. А коли со жрецом Чернобога вы поговорите, поймете, что худшего врага не пожелаете. Будет он изводить, да не вашего бога неведомого, а вас самих, до тех пор, пока последний ваш миссионер в земли наши даже под страхом смерти не будет соглашаться отправиться.

– Бог наш отступников не приемлет, – высказался второй жрец. – Разговор с ними короток – смерть. Или вся страна ему разом поклонится, или живыми только рабы останутся. А всех остальных в жертву ему принесут.

Бояре да купцы вздрогнули после этого заявления, а жрецы и патриарх переглянулись. Только Кощей да царь спокойствие сохраняли. Пусть и слышали уже подобное, да только мало ли что бабке Матрене сказать могут, коли совсем доведет. Иной раз и не такого пообещать можно. Все равно не по себе стало. Елизару Елисеевичу не нравилась уверенность жрецов, а Кощей чувствовал, что твориться что-то не то, но он не мог понять, что именно происходит. Вроде и нет колдовства никакого, а что-то жрецы творят тихонько. Что-то, чего не учили они. Вроде как надо срочно их из покоев выпроваживать, да в пыточную отправлять, но не докажешь ничего. Благо, пока ни царь, ни остальные участники беседы беспокойства не вызывают. А раз так, надо продолжать разговор, словно ничего не происходит и надеяться, что нянька его распознает опасность.

Василиса почти не смотрела, что у нее получается. Сквозь небольшие щелки она видела лица жрецов, подмечала их движения, додумывала мимику, позволяя волшебке водить ее рукой. Все-таки здесь она не столько для того, чтобы собирать лапшу, кою гости на уши пытались развешивать, сколько чтобы понять, чего ждать от гостей неведомых. Все остальное вроде пока и так очевидно для собравшихся. Яга то и дело поглядывала на рисунки, но предпочитала молчать, чтобы ненароком не сбить ученицу.

Переговоры шли, как и должно было. После сказки о великом вожде, начался привычный торг. Жрецы настаивали, что вся страна должна разом к новому богу обратиться, старых боле не поминать, и более никому молитв не возносить, жертв не приносить, иначе отступников смерть постигнет. Царь и прочие, в свою очередь объясняли, почему такое невозможно.

– Московия – страна большая, – вещал Елизар Елисеевич. – С южных границ до города Архангельского добираться месяц, не меньше, а от западных границ на восток пока и предела не сыскано, окромя океана, что возле границ со страной Синой, а что на север, того мы пока не ведаем. Экспедиция туда два года как ушла, последние вести прошлой осенью приходили, а новых только этой ждем. Да даже если за горы Уральские перебираться, где мы токмо начали крепостицы возводить, и то не менее трех месяцев потребуется, ежели с погодой повезет, да с конями. Люди потихоньку расселяются, подати кто платит, а кто пока о том не думает, живут уединенно, попробуй, найди их по лесам. Можно долго кругами ходить, а к деревне не выйти.

Новый листок лег на легкую доску, что девушка использовала вместо мольберта. Озадаченный жрец, не менее озадаченная туча над ним. Василиса прикрыла глаза, чтобы зрение обычное не мешало колдовству, и продолжила рисунок, уже полностью полагаясь на свою ягинскую сущность.

Было понятно, что жрецы и, каким-то образом слышавший все, что происходит в горнице, бог, явно озадачены ситуацией. Видимо, ранее они подчиняли себе страны, размером с небольшое немецкое государство, на пересечение которого уходило не больше недели. Истинных же размеров Московии они до сего дня не представляли. И потому их требование, чтобы все население отвернулось от богов разом, выглядело не просто абсурдно. Оно было неосуществимо при всем желании правителя. Всегда найдется в глухих лесах деревенька, в степи кочевое племя, оленеводы на севере, или еще кто-то, не знавший о принятии новой веры. И тогда уже придется столкнуться не только с людьми недовольными, но и с теми богами, от которых люди, по требованию жрецов, отвернулись. Богами, не потерявшими своей силы и очень злыми.

Молчание затягивалось. Организаторы встречи не спешили облегчать участь своих гостей. А те явно не знали, как быть дальше. Видно, привыкли получать требуемое обещаниями кар неминуемых сразу. Или не совсем сразу, но достаточно быстро. Да только столкнулись с явлением новым, доселе невиданным. Если присутствие различных священнослужителей, свои молитвы творящих, да друг с другом не спорящих, поначалу озадачило, но уверенности не поколебало, то после озвученных масштабов страны им стало страшно. Но и отступить уже нет возможности. Ведь не просто так они начали свои проповеди в столице этого государства. Где-то в степях движется в сторону этой страны войско огромное, в несколько десятков тысяч человек, ведомое избранными богами жрецами. Во главе каждой тысячи стоит опытный слугитель, во главе каждой сотни – монах, кандидат на милость бога.

Прибывшие заранее в страну миссионеры должны были запугать людей, заставить их если не принять новую веру, то усомниться в истинности прежней, в силах своих богов, а значит и своей. Получилось же в итоге, что не они запугали, а их самих озадачили, заставили сомневаться в силе своей, своих войск, божества своего. Это вам не ленивые южные земли, где их многорукие, многоногие, странноголовые покровители бросали чад прежде, чем опасность подступала к границам. Здесь же, если дрогнет кто-то один, на смену ему придут другие. И не только местные божества, как удалось разузнать, но и соседних земель, потому как в торговых и посольских кварталах возводились небольшие святилища, дабы каждый мог свою молитву сотворить. Ежели что и возбранялось, так приносить в жертву людей.

А еще уверенность жрецов была поколеблена озвученными расстояниями. Их войска привыкли гнать своего противника, переходить границы, преследуя его, захватывать и другие земли. Здесь же можно преследовать долго, и еще неизвестно, кто от этого выиграет. Они, растянувшие свои тылы, или москотяне, не отступающие, а заманивающие врагов в леса, болота,

буреломы. И не предупредить, не передать, что не смогли справиться с поставленной задачей. Да даже если и сообщат, кто поверит, что посланники не обманули, прельстившись дарами или посулами. И не отправят по души тех, кто желал спасти свой народ, убийц. Верховные жрецы давно научились спорить со своим богом, не бояться высказываться или действовать так, как сочтут лучшим для народа. А тот лишь следит, чтобы чада его не понесли больших потерь. Да хватит ли ему силы противостоять защитникам этой бескрайней страны. Почему-то уверенности в этом жрецы не испытывали.

– Вижу, гости дорогие, надобно вам время, чтобы обдумать все, посоветоваться, да богу своему молитвы вознести, дабы он совет дал, – прервал ставшее тягостным для посетителей молчание Елизар Елисеевич. – Вы пока ступайте до своего шатра, обсудите там все, а как к дельному чему придете – возвращайтесь, вместе обсудим, как для всех нас лучше будет поступить.

Смятенные жрецы поднялись и с поклоном покинули палату.

Не успели посетители удалиться, как следом за ними вышел и воевода со своими людьми. Надобно было проводить гостей до ворот, да сидевшим в соседней комнатке стрельцам приказ отменить. А то мало ли кто дернет веревку, как бы не подстрелили Елизара Елисеевича, когда опасность миновала. Царь тут же поспешил отпустить и бояр с купцами. В палате остались только жрецы и колдуны. С ними состоялся небольшой совет.

– Не заметил я, чтобы они хоть как-то колдовать пытались, – поделился своими наблюдениям Кощей. – Скорее нас изучали, но то не колдовство.

– К нам и заглянуть не пытались, – тут же доложила Яга. – Тревожились неведомым, но едва защиту почуяли, даже не пытались ничего делать. То ли на бога своего не надеяться, то ли нам не доверяют.

Остальные жрецы тоже подтвердили, что с их стороны все спокойно было.

– Как бы то ни было, нам оно только на руку, – справедливо заметил царь. – А что нам Василиса дочь Иванова скажет?

– Если хотите от меня ответ честный – я им не верю, – немного подумав, начала девушка. – Сказку о правителе, ставшем богом, я и в своем мире читала. Наши писатели и не такое придумать могут. Так что здесь жрецам этим еще учиться и учиться. Но то я, а большинство жителей вполне могут поверить. Особливо те, кто даже бабке Матрене верит. А вот то, что жрецам надо страну в один день в свою веру перекрестить, мне не нравится. Не чисто тут дело, – девушка подошла к столу, на котором лежали ее рисунки, и принялась перебирать их. – В том, что во главе страны жрецы стоят, они не обманули.

– Ну, этим нас не удивить, – согласился патриарх Феофил. – Мы не только о Ватикане наслышаны, знаем, что есть и другие страны, где церковники правят. Не важно, как они там себя называть будут. Другое дело, мир велик, пока из конца в конец его пересечешь, многое поменяться может. Есть еще острова, среди моря-окияна затерянные, где пока никого не было, а есть и земли большие, до которых пока никто не добрался. Наши ученые отцы вычислили, что на другом конце мира должна быть большая земля. Там где у нас море ледяное, там она находится, тоже льдами покрытая. А моряки, кто круг мыса Доброй Надежды да мыса Горн хаживали, говорили, что там холодно. Вот и думают наши отцы, коли у нас море, там суша должна быть ледяная. Дабы все в равновесии было.

Василиса с трудом сдержала удивление. Кажется, в схожий период в ее мире еще и Австралию не открыли, инквизиция еще людей на кострах сжигала, а тут вон какие прогрессивные взгляды, об Антарктиде говорят. И кто? Церковники. Хотя, может она в чем-то ошибается. Но одно точно, Америки еще как таковой точно не было, так, исследования шли на тех континентах, да Африку колонизировали. Здесь же люди пытаются понять, где государство жреческое находится. Сама девушка, даже со всеми своими знаниями по географии, не могла представить, где они могли обосноваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.